37.

Прове

БА

с

37. 74. 5. 118/2

Проверено 1956

Ѳ. Козельскій.

ЗАПИСКИ БАТАРЕЙНАГО КОМАНДИРА

СОСТАВЛЕНЫ ПО ПИСЬМАМЪ, ЗАМѢТКАМЪ И РАЗСКАЗАМЪ УЧАСТНИКА ВОЙНЫ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

ПЕТРОГРАДЪ
БИБЛІОТЕКА «ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ»
ИЗДАНІЕ Б. А. СУВОРИНА
1916

О. Козельскій.

ЗАПИСКИ

БАТАРЕЙНАГО КОМАНДИРА

ИПБ
19.6 г.

СОСТАВЛЕНЫ ПО ПИСЬМАМЪ, ЗАМѢТКАМЪ
И РАЗСКАЗАМЪ УЧАСТНИКА ВОЙНЫ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

ПЕТРОГРАДЪ
БИБЛІОТЕКА «ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ»
ИЗДАНІЕ Б. А. СУВОРИНА
1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой 7 октября 1916 г.

Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время". Эртелевъ, 13

16-го ноября 1914 г.

Тихо въ палатѣ. Ночь. У моей кровати свѣтитъ электрическая лампочка, прикрытая зеленымъ абажуромъ. Товарищи спятъ; ихъ трое, но о нихъ когда-нибудь впослѣдствіи. Сейчасъ я буду говорить о себѣ... Я живу и я такъ хочу жить; хочу видѣть жизнь, солнце, все, все... Это чувство знакомо тѣмъ, кто ждалъ смерти и звалъ ее. И вдругъ смерть ушла, и пришла жизнь. Цѣлая жизнь впереди.

Я раненъ въ ногу и контуженъ въ верхнюю часть туловища и голову. Лежу въ госпиталѣ, въ Варшавѣ. Рана—пустяки, хотя прежде ее-то я и чувствовалъ особенно. Теперь наоборотъ; по днямъ контузія вызываетъ сильныя страданія, а по ночамъ безсонницу. Но мнѣ все-таки несравненно лучше; силы мои быстро возстанавливаются и, какъ сейчасъ, я испытываю часами такую сладость, что за нее можно и помучиться. А сколько радостей впереди! Жена, дѣтки... Черезъ нѣсколько дней я буду уже на ногахъ. Шрапнельная пуля отнеслась снисходительно: продырявила мясо ниже колѣна, скользнувъ по кости, но такъ искусно, что не повредила ни кости, ни мышцъ, ни нервовъ. При всемъ томъ

пять дней я находился подъ угрозой ампутаціи — рана была загрязнена, образовалось нагноеніе и можно было ожидать зараженія крови.

Взялся за записки и путаюсь: очень ужъ о многомъ надо бы написать, и слишкомъ много впечатлѣній, и опять этотъ радостный приливъ силъ, и послѣ всѣхъ пережитыхъ страданій такой чудный покой, такая рѣзкая перемѣна въ обстановкѣ... Видѣлъ Шуру Бахметеву, невѣсту брата Степана. Она работаетъ здѣсь, въ госпиталѣ, въ отдѣленіи нижнихъ чиновъ. Благодаря ей, осторожно извѣстилъ жену о себѣ, и, кажется, Сонечка теперь поуспокоилась. Шура навѣдывается каждый день: славная дѣвушка, и пошли ей Богъ счастье и сохрани для нея Степу. Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ капитанъ Сы—комскій и привезъ поклонъ отъ доблестной моей батареи. Живъ славный «Рѣпа», тяжело раненый въ бою 3-го ноября и о которомъ солдаты говорили тогда, что онъ скончался на перевязочномъ пунктѣ. Слава Богу, вышло не такъ. Но обо всемъ этомъ потомъ, а сейчасъ занесу на память подробности того, что довелось мнѣ пережить въ день 6-го ноября. Все это и просто и удивительно. Иной разъ даже не вѣрится, что это именно я жилъ и страдалъ тогда, а теперь живу и блаженствую. Очень уже великъ переломъ; все различно; люди другіе и такъ все. Тамъ убивали другъ друга, а здѣсь выхаживаютъ, тамъ смерть, а тутъ жизнь, и молиться хочется и плакать. И я вѣрю, что я когда-нибудь не посмѣюсь надъ тѣмъ, что сейчасъ плачу... Впрочемъ, все это нервы, а докторъ мнѣ именно говорилъ, чтобы я не давалъ имъ воли... Послѣднія слова прерванныхъ мною 6-го ноября записей таковы: «Весь день въ бою; очень тяже-

лыя условія. Сейчасъ...» А дальше я ничего ужъ и не могъ писать, потому что съ этого момента и начался весь ужасъ. И вотъ теперь, пока все свѣжо въ моей памяти и другія событія не заслонили передо мной ряда мелкихъ подробностей, я такъ желалъ бы не упустить изъ нихъ ни одной. Самое начало я помню хорошо. Теперь я вообще знаю всю картину, въ которой моя батарея была только мелкой, едва замѣтной песчинкой. Я знаю, что нѣмцамъ удался прорывъ, но что онъ едва не окончился для нихъ полною катастрофой. Но въ тѣ минуты я видѣлъ только то, что дѣлалось передъ моими глазами. Ну, и думалъ я, что пришелъ конецъ. Не мнѣ, конечно,—развѣ о себѣ въ такія минуты думаешь?—а вообще всему конецъ и все проиграно. Вѣдь тамъ, въ боевой линіи, каждый только свой клочокъ и знаетъ,—у насъ хорошо, значитъ, и вездѣ хорошо, у насъ плохо—вездѣ дѣло дрянь. А гдѣ-нибудь повыше все уже и рисуется поиному: масштабъ другой и мѣра не та. Въ штабѣ корпуса не страшно, если гдѣ-нибудь роту опрокинули,—сейчасъ резервъ въ поддержку бросятъ, а въ штабѣ арміи не страшенъ иной разъ и прорывъ корпуса,—вышлютъ сильную колонну въ обходъ, и та непріятелю во флангъ ударитъ. Вѣдь это же и случилось съ нѣмцами подъ Лодзью, когда ихъ въ мѣшокъ спрятали. Ну, а тѣмъ, конечно, кто прорванъ или кто въ обходъ идетъ, имъ ничего этого не видно и каждый думаетъ, что если онъ впередъ смотритъ, такъ и всѣ остальные по нему равняются. Опять отвлекся и говорю о другомъ.

6-го ноября въ моей батареѣ изъ офицеровъ были тѣ, кто къ тому времени невредимымъ оставался: я,

капитанъ Сы—комскій, прапорщики Крестьяниновъ и Фальяцъ. Занимали мы позицію къ сѣверо-востоку отъ Л., прикрывая лѣвый флангъ N-го корпуса, который выдался впередъ нашей бригады уступомъ версты на полторы и защищалъ единственную, кажется, на много верстъ возвышенность, которая, очевидно, и была ключомъ всего нашего здѣсь расположенія. Вотъ на эту-то точку и пришелся главный ударъ нѣмцевъ.

Въ три часа дня нѣмцы открыли небывалый до того по напряженію огонь, сосредоточивъ, пожалуй, съ полсотни батарей въ одномъ пунктѣ. Земля дрожала отъ грома выстрѣловъ, а видимая отъ насъ мѣстность, куда нѣмцы направляли огонь, вся покрыта была облаками дыма и земли, безпрерывно прорѣзываемыми огненными языками взрывовъ. Свинцовый дождь все сметалъ на своемъ пути. Нѣмецкій генералъ Макензенъ прокладывалъ такимъ образомъ свободную дорогу своимъ полкамъ, которымъ предстояла затѣмъ нетрудная задача занять обстрѣливаемую возвышенность: защитниковъ ея не должно, да и не могло быть въ живыхъ. Съ пяти часовъ дня тучи свинца, словно разсыпаясь вѣеромъ, начали засыпать и мою батарею, сколько можно было, отвѣчавшую на убійственный огонь. Но уже черезъ десять минутъ я не имѣлъ возможности привести въ исполненіе полученное мной приказаніе отвести батарею назадъ,—передковъ нельзя было подать. Приходилось орудія вытаскивать на рукахъ. Въ этомъ намъ помогла въ порядкѣ уходившая съ поля одна изъ ротъ нашей бригады. Еще нѣсколько бы минутъ, и опасность для батареи миновала, но въ это время непріятель открылъ по ней съ близкаго разстоянія огонь: возвышенность, занимавшаяся N-скимъ

корпусомъ. находилась въ рукахъ нѣмцевъ. Однимъ изъ первыхъ снарядовъ было разбито послѣднее орудіе, у котораго я завозился. Вслѣдъ за тѣмъ я потерялъ сознаніе.

Я пришелъ въ себя, вѣроятно, черезъ короткій срокъ,—ни цвѣтъ неба, ни очертанія предметовъ не измѣнили своей окраски. Но уже приближались сумерки. Прежде всего я сдѣлалъ попытку сѣсть—я лежалъ лицомъ кверху. И вотъ тогда-то я и почувствовалъ сразу же сильную боль въ груди и въ правой рукѣ. Странное чувство: боль и одновременно съ ней ощущеніе, будто все больное отсутствуетъ и принадлежитъ не мнѣ. Я попробовалъ шевельнуть рукой и не могъ, сѣсть тоже не могъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, я былъ увѣренъ, что, захоти я дѣйствительно сѣсть или поднять руку, я былъ бы въ состояніи это выполнить. Мнѣ казалось, что прежде всего у меня нѣтъ настоящаго желанія что бы то ни было предпринять и употребить на что-нибудь усиліе. И правда, желанія у меня тогда, въ первыя по крайней мѣрѣ минуты, ни къ чему не было. Тѣло было разбито, какъ бы отъ полученнаго удара. И дѣйствительно, я былъ контуженъ и тогда уже это сознавалъ. Но прошло еще нѣсколько минутъ, и желанія у меня вдругъ проснулись. Вообще это были странныя, болѣзненныя переживанія. Я забылъ, напримѣръ, а только что передъ тѣмъ помнилъ, гдѣ я и что со мной. Чтобы разсмотрѣть, я повернулся и довольно даже легко на лѣвый бокъ. Очевидно, я и раньше могъ бы повернуться, если бы такое желаніе у меня было. Впрочемъ, и рука и грудь у меня тотчасъ заныли, и я опять почувствовалъ, что онѣ при мнѣ и въ томъ же полупаралитическомъ

состоянiи. Я приподнялъ голову и, кажется, долго смотрѣлъ кругомъ себя. Я даже не пришелъ въ ужасъ отъ того, что видѣлъ, а скорѣе любопытствовалъ. Я лежалъ, оказывается, шагахъ въ двѣнадцати отъ не вывезеннаго и разбитаго орудiя. Очевидно, я былъ поднятъ струей воздуха отъ земли и на это разстоянiе отброшенъ. Но не это занимало меня. Я разсматривалъ лежавшiя вокругъ въ большомъ числѣ мертвыя человѣческiя тѣла. И прежде всего меня поразило, что нѣкоторыя изъ нихъ въ германской формѣ. Тогда я понялъ, что въ забытьѣ лежалъ я вовсе уже не такой короткiй срокъ и что на мѣстѣ моей батареи шелъ рукопашный бой и что послѣ того должно было пройти еще нѣкоторое время, когда успѣли убрать раненыхъ, потому что поле молчало. И вотъ тогда-то я почувствовалъ въ первый разъ страхъ и по весьма странной причинѣ: мнѣ сдѣлалось страшно оттого, что я сознал, что живые приняли меня за мертваго и что я брошенъ. Я собрался съ силами и закричалъ. Но голоса своего я не услышалъ. Это обстоятельство такъ меня удивило, что дало новое направленiе моимъ мыслямъ и страхъ какъ-то самъ собою прошелъ или я забылъ о немъ. Я сталъ соображать, пропалъ ли у меня голосъ, или я оглохъ. Но было это такъ или иначе, вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ трескотню ружей и знакомое жужжанiе, точно то же, что въ знойный день отъ пролетѣвшей надъ ухомъ мухи. Очевидно, пули ложились совсѣмъ близко. Но очевидно также, что подъ влiянiемъ направленнаго въ какую-то сторону напряженiя ко мнѣ возвратился слухъ, если допустить, что я былъ оглушенъ контузiей. Поле вовсе не молчало, я слышалъ и ружейный трескъ и доно-

сившіеся со всѣхъ сторонъ стоны. Я понималъ, что я долженъ прежде всего спрятать голову, потому что я думалъ, что стрѣльба идетъ именно по мнѣ, но вмѣсто того я приподнялся еще выше и разсмотрѣлъ, что всего шагахъ въ двухстахъ замѣчаются дымки и что тамъ же нѣтъ-нѣтъ подымаются отъ земли нѣмецкія каски. И только послѣ того, когда я это опредѣлилъ, я легъ и вслѣдъ за тѣмъ даже подползъ къ первому лежавшему отъ меня трупу и прикрылся имъ. Но я былъ уже спокоенъ и даже, странно сказать, доволенъ, хотя продолжалъ думать, что стрѣльба идетъ по мнѣ и все это только потому, что я теперь зналъ, что другіе считаютъ меня не за мертваго, а за живого.

Не знаю, сколько времени я такимъ образомъ лежалъ, когда внезапно услышалъ, совсѣмъ уже съ противоположной стороны, крики «ура». И опять болѣзненное любопытство заставило меня повернуться и поднять голову. Я тотчасъ же разсмотрѣлъ, какъ вдали двигались перебѣжками наши цѣпи. Съ тревогою и на что-то безконечно большою надеждою я ждалъ, когда цѣпи дойдутъ до меня. Ближе, ближе... крики «ура» слышнѣе... громче стоны и видно, какъ валятся на землю отдѣльныя сѣрыя фигуры. Но все это такъ и должно быть, все это не важно, важно же пробѣжать еще двѣсти шаговъ до нѣмецкихъ касокъ и подымающихся дымковъ, и тогда всему спасеніе. Оно тамъ, впереди. Какъ-то сама собой у меня прошла боль и появилась мгновенная увѣренность, что у меня нѣтъ и паралича. Я все забылъ. Я поднялся и побѣжалъ вслѣдъ за солдатами, тоже громко крича «ура». Впрочемъ, я сдѣлалъ очень немного шаговъ и едва

ли ихъ пробѣжалъ, а просто мнѣ это кажется. Вообще все, что было дальше, припоминается мнѣ какъ бы подернутымъ какою-то дымчатой пеленой, какъ бы видѣлъ я это съ очень большого разстоянія. И если я стоялъ на ногахъ, то во всякомъ случаѣ самый короткій срокъ, а затѣмъ вновь упалъ и на этотъ разъ потому, что былъ раненъ. Но, какъ все, что касалось въ тѣ минуты лично меня, нисколько меня не интересовало, я не обратилъ вниманія на свою рану и даже не перевязалъ ее. Мнѣ единственно было досадно, что я не могу бѣжать туда, куда бѣгутъ остальные, и что виною этому моя правая нога, ставшая вдругъ необычайно тяжелой. Съ этимъ обстоятельствомъ я, однако, очень скоро примирился, то-есть опять-таки о немъ позабылъ. Я старался исключительно объ одномъ: не упустить изъ вида того, что передо мной въ тѣ минуты происходило. И хотя сквозь застилавшій мои глаза туманъ, но я ясно различилъ, что вмѣсто цѣпи по всему полю начали вырастать словно изъ-подъ земли отдѣльныя кучки нашихъ солдатъ, то исчезая, то появляясь въ другомъ мѣстѣ. Ну, а затѣмъ поле сраженія отъ меня куда-то ушло, и я сталъ ждать, впередъ или назадъ побѣгутъ наши. Я помню, какъ мимо меня пробѣжалъ какой-то совсѣмъ юный офицеръ, показавшійся мнѣ необычайно блѣднымъ и запыхавшимся. Офицеръ этотъ то и дѣло оборачивался назадъ, размахивая правой рукой, въ которой у него была шашка, въ лѣвой же у него было знамя. И какъ это ни нелѣпо, но въ ту минуту я этого офицера ужасно пожалѣлъ, что онъ блѣденъ и отъ долгаго бѣга запыхался, и порѣшилъ, что онъ боленъ сердцемъ. Одновременно съ тѣмъ я подумалъ, что, пожалуй, во-время къ

мѣсту боя онъ не поспѣетъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ тутъ же упалъ, выронивъ изъ рукъ и древко знамени и шашку. Но вслѣдъ за тѣмъ на то же мѣсто нахлынула густая толпа солдатъ, и надъ головами ихъ высоко взвилось знамя. Нѣкоторое время оно плыло впередъ, потомъ исчезло и вдругъ вынырнуло всего въ трехъ шагахъ отъ меня. Его держалъ рослый, бородатый солдатъ, весь мокрый, во всѣ глаза смотрѣвшій почему-то на меня. Взглянувъ на этого солдата, я вдругъ припомнилъ, что гдѣ-то видѣлъ его и онъ мнѣ очень близокъ, но, такъ и не окончивъ мысли, я остановилъ вниманіе на нѣкоторой другой чрезвычайной картинѣ. Я смотрѣлъ, какъ бѣжавшіе мимо знамени солдаты иные крестились, иные, припадая къ нему, цѣловали его и плакали и тогда уже направлялись туда, гдѣ была смерть и откуда доносились страшные, нечеловѣческіе стоны, крики и проклятія, заглушавшіе лязгъ оружія...

Но вотъ знамя заколыхалось, и бородатый солдатъ ушелъ. Крики усилились. Я приподнялся и разсмотрѣлъ, что знамя шагахъ отъ меня въ ста и что въ томъ мѣстѣ большая масса нашихъ солдатъ, защищая его, медленно отступаетъ. Я сдѣлалъ усиліе, чтобы встать, и вторично потерялъ сознаніе.

Второй разъ я пришелъ въ себя по которой-то изъ трехъ причинъ: у меня горѣла, точно въ огнѣ, нога, мнѣ смертельно хотѣлось пить и меня пронизывалъ смертельный холодъ. Мнѣ было такъ холодно, что зубы мои стучали и весь я трясся, словно бы въ сильной лихорадкѣ. Но одновременно съ этимъ мучительнымъ состояніемъ животъ мой точно обжигало огнемъ, такъ велика была жажда. И при всемъ томъ, едва

я осмыслилъ, какъ необходимъ мнѣ глотокъ воды, отъ одного представленія ея во мнѣ проявилось желаніе опустить въ эту воду изнывавшую отъ жары ногу. Но что я могъ сдѣлать?

Надо думать, былъ уже поздній ночной часъ. Однако мѣсто, гдѣ я лежалъ, было въ довольно яркомъ освѣщеніи. Причину этому я скоро разобралъ: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня горѣло предмѣстье города. Пламя было такъ велико, что было несомнѣнно, что горитъ нѣсколько десятковъ домовъ сразу. Но ничто окружавшее меня не интересовало. Въ противность тому, какъ давеча не интересовало нисколько касавшееся лично меня, такъ теперь я всецѣло былъ поглощенъ однимъ собою. И если кое-что зарубилось у меня въ памяти, то отъ однихъ только мимолетныхъ, зрительныхъ впечатлѣній. Такъ, я замѣтилъ въ двухъ шагахъ отъ себя трупъ нѣмецкаго солдата, державшаго обѣими руками ружье, штыкомъ котораго онъ былъ проколотъ въ грудь и пригвожденъ къ землѣ; прикладъ торчалъ кверху, колеблясь въ воздухѣ. А рядомъ съ этимъ я разсмотрѣлъ два другихъ трупа, русскаго и нѣмца, въ смертельной борьбѣ задушившихъ другъ друга и такъ и застывшихъ въ нѣмомъ объятіи. Но все это шло мимо. Я думалъ о себѣ. И вдругъ, словно молнія, меня пронизала мысль, что, какъ бы мнѣ ни было холодно и какъ бы я ни хотѣлъ пить, вся опасность въ ранѣ. Я сдѣлалъ усиліе, какое могъ, и присѣлъ. Сразу же я ощутилъ, что правая штанина у меня мокрая. Я дотронулся до голенища сапога, и оттуда потекла густая, теплая и уже свертывавшаяся кровь. Быть можетъ, я не истекъ тогда кровью потому, что выходъ ея былъ стѣсненъ сапогомъ

и, когда онъ наполнился, кровь остановилась; а, можетъ быть, она и продолжала течь. Какъ бы ни было, я понималъ, что мнѣ надо было дѣлать. Я снялъ съ себя кожаный ремень и, торопясь использовать оставлявшія меня силы, стянулъ ногу у колѣна. Затѣмъ я повалился на землю и впалъ въ обморочное или во всякомъ случаѣ полубезсознательное состояніе. Я не знаю, долго ли я такимъ образомъ лежалъ, но въ это время болевыя ощущенія у меня, несомнѣнно, нѣсколько притупились.

— Господи, Господи! Одинъ бы конецъ—вдругъ разбудилъ меня откуда-то донесшійся голосъ.

— Кто здѣсь?—торопливо спросилъ я, весьма удивленный и обрадованный живой человѣческой рѣчи.

— Помилосердствуй, добрый человѣкъ, дай испить.. все внутри выгорѣло,—тотчасъ послѣдовалъ отвѣтъ.

— Нѣтъ у меня воды,—съ нѣкоторой даже злобой отозвался я.

— Есть, родимый, вода, да не достать мнѣ... ни рукой, ни ногой не пошевелю—въ животѣ пуля.

Но я уже не слушалъ раненаго. Мнѣ достаточно было одного слова его, что у него есть вода, какъ, подчиняясь какому-то безотчетному чувству, инстинкту животнаго самосохраненія, я собрался съ силами и поползъ по направленію не прекращавшихся теперь ни на секунду стоновъ. Но, страшно вспомнить, для того, чтобъ покрыть разстояніе въ двадцать шаговъ, отдѣлявшихъ меня отъ раненаго, я потратилъ по крайней мѣрѣ часа полтора, съ трудомъ волоча свою желѣзную ногу.

Ну, вотъ я у мѣста. Въ ложбинкѣ, раскинувъ ноги и руки врозь, лицомъ къ небу лежалъ раненый.

Теперь онъ уже не стоналъ, а тихо, протяжно при каждомъ вздохѣ хрипѣлъ.

— Гдѣ вода?—спросилъ я.

— Въ флягѣ... глотокъ бы,—едва прошепталъ онъ.

Я сталъ шарить рукой и нашелъ флягу, запрокинувшуюся на животъ страдальца. Вѣроятно, доставая флягу, я какимъ-нибудь образомъ неловко задѣлъ его, потому что онъ громко вскрикнулъ. Но я не замѣчалъ его,—вода была у меня. Съ новой силой во мнѣ вспыхнула нестерпимая жажда, и открывъ флягу, я прильнулъ къ ней ртомъ... Первые же два-три глотка привели меня въ сознанiе; голова прояснилась; мнѣ сдѣлалось стыдно, и я протянулъ флягу раненому товарищу. Но тутъ произошло истинное несчастье: изъ обезсиленной руки моей фляга выскользнула и упала на землю; пока я нашелъ ее, вода вытекла.

— Водицы бы...

— Прости, воды нѣтъ,—отвѣтилъ я. Я не знаю, понялъ ли меня раненый, но онъ замолчалъ. И молчанiе его стало мнѣ больнѣй моей раны, мучительнѣе моего холода.

— Прости, ради Бога,—повторилъ я.

— Христосъ... всѣхъ... проститъ, — послышался прерывающiйся хриплый голосъ. И вслѣдъ за тѣмъ оборвались и стоны, и хрипъ, и дыханiе, и сосѣдъ мой умолкъ навѣкъ.

Нѣкоторое время послѣ того прошло для меня весьма быстро. Но такъ какъ изъ него я ровно ничего не могу сказать, я думаю, что опять провелъ его въ забытьѣ, тѣмъ болѣе, что былъ чрезвычайно утомленъ всѣмъ предшествующимъ. Помню, однако, что, когда я снова сталъ отдавать отчетъ, я лежалъ прикрытый

шинелью и тогда же припомнилъ, что прикрылся ею, когда меня начала бить лихорадка и что нашелъ ее, когда искалъ флягу, и что принадлежала она тому же раненому и успокоившемуся солдату. Вообще въ ту ночь чувства мои достигали крайняго напряженія, но каждое порознь—боль и память, жажда и слухъ обострялись въ отдѣльности. Такъ, подъ утро поле битвы показалось мнѣ вдругъ ожившимъ: опять мнѣ послышались голоса и стоны и гулъ откуда-то доносившейся канонады. Всего этого давеча я отнюдь не замѣчалъ. И вдругъ я уже съ полною ясностью разслышалъ совсѣмъ вблизи отъ себя чью-то рѣчь:

— Господи, а здѣсь-то навалено! Все мертвые! Хоть бы тебѣ кто голосъ подалъ.

— Я живъ! Помогите мнѣ,—хотѣлъ я крикнуть и не могъ. Мой языкъ онѣмѣлъ. Двѣ сѣрыя фигуры съ красными крестами на рукавахъ прошли мимо.

— Спасите! Боже, спаси меня,—я метался. Нѣтъ, я лежалъ недвижимъ. Я не могъ пошевельнуться и не могъ кричать, не могъ подать никакого признака жизни. Я смотрѣлъ передъ собой и, однакоже, ничего болѣе не видѣлъ. Отблескъ пожара и свѣтъ зарождавшагося дня потухли. Меня охватывала могильная тьма. Ледяной холодъ сковывалъ мои члены. Какая-то нестерпимая тоска овладѣла мной. И все-таки сознаніе во мнѣ жило. Эта-то неполная, но не прерывавшаяся жизнь сознанія и была для меня ужасной. Я зналъ, что я принятъ за мертваго и ничто меня не спасетъ. О, если бы умереть сознанію! Молиться!.. видѣть дѣтей!.. Все расплывалось, все уходило отъ меня въ какую-то безконечную даль...

Ну, а когда я открылъ глаза, я воистину перешелъ

въ другой міръ. Да, да, кругомъ былъ другой міръ и мнѣ стало страшно, что я лишусь его. И если я посѣдѣлъ, то, право, не отъ контузіи, а въ тѣ минуты. Я не зналъ, вѣрить ли въ то, что есть, или въ то, что было. Впрочемъ, какъ передать эти сумасшедшія минуты больной радости! Однимъ словомъ, въ небѣ сіяло солнце, а я лежалъ въ какой-то повозкѣ на охапкѣ сѣна и тутъ же, поддерживая голову мою руками, стоялъ на колѣняхъ передо мной мой денщикъ Науменко.

17-го ноября.

Утромъ получилъ первое въ госпиталѣ письмо отъ жены, написанное въ тотъ день, когда она узнала, что я раненъ и нахожусь въ Варшавѣ. Сколько въ этомъ письмѣ страха и заботъ обо мнѣ и какъ это старательно скрывается. Думаю, что теперь, послѣ цѣлаго ряда моихъ телеграммъ, Сонечка успокоилась. Въ полученномъ письмѣ жена сообщаетъ о своемъ твердомъ рѣшеніи пріѣхать навѣстить меня. Но изъ вчерашней телеграммы я знаю, что намѣреніе это она оставила. Въ самомъ дѣлѣ, не ѣхать же съ дѣтками, а, съ другой стороны, какъ оставить ихъ? Соня послушалась моей просьбы и ждетъ моего пріѣзда послѣ того, какъ я поправлюсь. Надѣюсь, что время это близко. Доктора обѣщаютъ, что дней черезъ десять я встану, а тамъ—получу отпускъ и отправлюсь на побывку домой. Весь вопросъ въ томъ, чтобы скорѣй понабраться силъ, утраченныхъ вслѣдствіе обильной потери крови. Впрочемъ, опасности нѣтъ теперь никакой и могу считать, что на этотъ разъ выскочилъ благополучно: рана быстро затягивается. Что касается контузіи, сказать

что-нибудь опредѣленное нельзя. Кажется, я контуженъ легко, но по временамъ испытываю ощущенія мучительныя. Когда подымаются боли въ груди и головѣ, правую половину тѣла и лицо сводятъ судороги. Замѣчаю облегченіе отъ тугой повязки головы бинтомъ. Сегодня днемъ были сильныя боли, но къ вечеру полегчало.

Хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о своемъ лазаретномъ житьѣ и товарищахъ по палатѣ, но сперва продолжу вчерашнія воспоминанія. Во время боя 6-го числа Науменко находился въ обозѣ. О томъ, что я остался на полѣ сраженія, онъ узналъ только ночью, такъ какъ при отступленіи къ Л. обозъ сбился въ сторону и Науменку стоило немалыхъ трудовъ разыскать батарею. Слава Богу, потери въ ней ужъ не такъ значительны: пострадала прислуга только послѣдняго не вывезеннаго орудія:—трое убиты, четверо ранены, въ томъ числѣ и я. Сейчасъ временно командуетъ батареей капитанъ Сы—комскій и дѣйствуетъ тамъ же.

Когда Науменку сообщили, что я убитъ, вѣрный хохолъ заявилъ, что этого быть не можетъ, что «Господь этого не допуститъ» и что если кто повторитъ при немъ этакую небылицу, съ тѣмъ онъ сведетъ счеты посвоему. Затѣмъ, разспросивъ офицеровъ, какимъ образомъ найти мѣсто, гдѣ находилась батарея, Науменко отправился на поиски. Къ тому времени бой продолжался въ новой и для насъ и для германцевъ обстановкѣ. Дѣло въ томъ, что они прорвали наше расположеніе и обошли Л. съ востока. Но если такова была общая и, конечно, неизвѣстная рядовымъ участникамъ картина сраженія, то въ ней было не мало изумитель-

ныхъ частностей. И одной изъ нихъ было то обстоятельство, что обширное поле, на которомъ занимала позицію моя батарея, въ результатѣ нѣсколькихъ рукопашныхъ схватокъ оставалось въ теченіе нѣсколькихъ послѣ того часовъ не занятымъ ни нами, ни германцами. Понятно, Науменко проходилъ всю ночь въ сторонѣ отъ того мѣста, которое онъ разыскивалъ. Къ утру поле занято было нашими отрядами, оттѣснившими непріятеля отъ пригорода. Тогда же и Науменко сумѣлъ нѣсколько оріентироваться, а изъ разспросовъ повстрѣчавшихся ему раненыхъ стрѣлковъ нашей бригады довольно точно уже опредѣлилъ направленіе, по которому ему слѣдовало продолжать поиски. Удивительно, что Науменко ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что я живъ. И среди тысячи труповъ и раненыхъ Науменко въ концѣ концовъ отыскалъ меня. Осмотрѣвъ меня, онъ разрѣзалъ сапогъ, котораго нельзя было снять, обмылъ рану и перевязалъ ее. Дождавшись затѣмъ подхода санитаровъ, Науменко вступилъ съ однимъ изъ нихъ въ долгія пререканія, такъ какъ тотъ отказывался помочь перенести меня на перевязочный пунктъ, заявляя, что я умеръ. Положеніе Науменка было поистинѣ трагическое въ виду того, что санитаръ, основываясь на своихъ медицинскихъ познаніяхъ, разносилъ солдата за его невѣжество, благодаря которому, не умѣя отличить мертваго отъ живого, онъ отнимаетъ отъ него только попусту время. Но Науменко оставался непреклоненъ. Онъ поклялся санитару, будто я только что говорилъ съ нимъ и приказалъ, чтобы онъ доставилъ меня въ госпиталь. Такъ или иначе, Науменко настоялъ на своемъ. Я былъ перенесенъ

на перевязочный пунктъ, откуда врачъ отправилъ меня въ городъ. Дорогой, вѣроятно, отъ тряски или, можетъ быть, отъ первой поданной мнѣ помощи я пришелъ на нѣсколько мгновеній въ себя и мнѣ стало страшно, что я лишусь вновь открывшагося передо мной міра и опять вернусь въ ужасъ минувшей ночи...

Очнулся я въ госпиталѣ. О дняхъ, проведенныхъ мною въ Л., находившемся въ центрѣ продолжавшагося сраженія, у меня остались самыя отрывочныя и смутныя воспоминанія; но я заношу и ихъ, точно такъ же, какъ и выдержки изъ случайно сохранившихся двухъ нумеровъ какой-то лодзинской газеты, отъ 6-го и 8-го ноября, въ которыя Науменко, передъ отправленіемъ меня въ Варшаву, завернулъ кое-что изъ моихъ вещей. По доставленіи меня въ Л. я былъ помѣщенъ въ лазаретъ, устроенный въ зданіи одной изъ мѣстныхъ фабрикъ. Вслѣдствіе большой слабости я пролежалъ три или четыре дня въ полуснѣ, такъ что самъ ничѣмъ не реагировалъ на ужасы производимой нѣмцами бомбардировки города. Правда, и тогда, когда я спалъ и когда просыпался, я слышалъ безпрерывный орудійный громъ, а иногда и оглушительный трескъ совсѣмъ вблизи разрывавшихся снарядовъ, но это меня не интересовало, такъ сильно я былъ поглощенъ чувствомъ счастья всякій разъ, когда могъ сознательно отнестись къ окружающему, когда открывалъ глаза и видѣлъ заботливо наклонившуюся надо мной фигуру сестры милосердія или славное лицо хохла моего Науменка. Странно, что я ничего не испытывалъ во время перевязки раны. Еще изумительнѣе, что я не ощущалъ, по крайней мѣрѣ не помню, чтобъ ощущалъ какую-нибудь боль, когда на третій день

пребыванія въ лазаретѣ мнѣ дѣлали операцію—вырѣзали кусокъ мяса, пораженнаго гангреной. Помню только, какъ меня несли въ операціонную комнату, а самой операціи и не замѣтилъ, хотя дѣлали ее безъ наркоза. Дальше для меня наступила полная уже тишина, какое-то блаженное небытіе, до самаго, кажется, момента, когда меня отвезли на станцію желѣзной дороги и помѣстили въ санитарный поѣздъ, отправлявшійся въ Варшаву. Но на станціи мнѣ ясенъ, какъ Божій свѣтъ, одинъ пережитый моментъ, когда къ носилкамъ моимъ припалъ Науменко. Онъ оставался съ батареей и пришелъ проститься со мной. Я обнялъ солдата.

— Вашескородіе... баринъ... голубчикъ, что вы такъ? Что я сдѣлалъ?—говорилъ Науменко. О, великое русское сердце! Дорогой младшій братъ!

Привожу хронику лодзинской газеты. Нумеръ отъ 6-го ноября: «Въ окрестностяхъ Лодзи продолжается канонада. Черныя тучи дыма обволакиваютъ небо. Всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города происходятъ ожесточенные бои. Изъ окрестныхъ мѣстностей—Згержа, Видзева, Александріи, Лютомирска и другихъ безконечными вереницами прибываютъ бѣженцы. Большинство бѣженцевъ—крестьяне, дома которыхъ и имущество истреблены пожарами, возникшими отъ снарядовъ. Несчастные ищутъ безопаснаго убѣжища, но со вчерашняго дня снаряды достигаютъ предмѣстья города. Улицы, на которыхъ замерла обычная жизнь, полны, однако, суетливаго движенія: привозятъ раненыхъ, спѣшатъ въ бой отдѣльныя части войскъ, тянутся безконечной лентой повозки, обозы, фургоны Краснаго Креста, артиллерійскія запряжки... Въ го-

родѣ насчитывается много жертвъ среди мирныхъ людей отъ сбрасываемыхъ германцами съ аэроплановъ бомбъ. Сраженіе приближается вплотную къ городу»...

Нумеръ отъ 8-го ноября: «Прошлой ночью канонада достигла высшаго напряженія. Во многихъ мѣстахъ возникли пожары, тушеніемъ которыхъ солдаты заняты и сейчасъ. Особенно страшенъ былъ пожаръ предмѣстья Балуты, представлявшій сплошное море огня, наводившее на населеніе города панику. Въ огнѣ погибло много людей. Объятыя ужасомъ безпріютныя толпы бѣжали въ центръ города. Но и здѣсь земля дрожала, грозя похоронить всѣхъ подъ обломками вотъ-вотъ готовыхъ рушиться зданій. Казалось, наступилъ день страшнаго суда. Въ эту ночь происходила развязка лодзинскаго сраженія. Утромъ канонада вдругъ смолкла и стало извѣстно, что геройскими усиліями русскимъ удалось оттѣснить германцевъ. Насколько близко подошли германцы, видно изъ того, что одинъ изъ ихъ разъѣздовъ былъ захваченъ въ чертѣ города. Сейчасъ въ Лодзь доставляются большія партіи плѣнныхъ и многочисленные трофеи—орудія, пулеметы, воинское снаряженіе и проч.»

19-го ноября.

Опять ночь, и опять я не сплю. Но, слава Богу, спитъ бѣдный Р. Онъ лежитъ первымъ отъ входа. Онъ—калѣка; у него отрѣзана правая нога и ступня лѣвой. Цѣлые дни Р. молчитъ, неохотно отвѣчаетъ на вопросы врача, и его ничто не занимаетъ. Самый нуждающійся въ посторонней помощи, поручикъ рѣже всѣхъ прибѣгаетъ къ ней. Безъ кровинки въ лицѣ,

онъ лежитъ все время съ полузакрытыми глазами, не слышно, какъ дышитъ, и, кажется, будто не живетъ. Сегодня я въ первый разъ говорилъ съ нимъ. Случилось такъ, что въ палатѣ мы остались вдвоемъ.

— Вы не спите?—неожиданно спросилъ меня Р.

— Нѣтъ. Вамъ что-нибудь надо?

— Какой я видѣлъ сейчасъ чудный сонъ,—не отвѣчая мнѣ, тихимъ голосомъ продолжалъ раненый.— Я видѣлъ что-то очень прекрасное, цвѣты и солнце и самого себя здоровымъ и очень сильнымъ, взбирающимся на высокую, высокую гору... И будто съ цѣлью взглянуть на себя, такого необычайнаго, я всталъ съ кровати и подошелъ къ окну... И я проснулся. Это былъ сонъ.

Поручикъ замолчалъ, а вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ какіе-то странные, хрипящіе звуки. Я понялъ, что Р. плачетъ. Но что я могъ сказать ему въ утѣшеніе?

— Не подумайте, что я оплакиваю себя,—погодя и поминутно запинаясь, опять заговорилъ раненый.— Но я женатъ... всего годъ... и у меня маленькій сынишка... И вотъ, когда меня ранило, я далъ телеграмму женѣ, что я остался цѣлъ. Я не зналъ, что у меня будутъ отрѣзаны ноги. И теперь каждый день я жду пріѣзда жены и все время провожу въ напряженномъ ожиданіи... Даже когда сплю, и тогда прислушиваюсь. Я боюсь, что вотъ-вотъ войдетъ моя Танечка, счастливая, что я живъ, радостная подойдетъ ко мнѣ. Но прежде, чѣмъ поздороваться, я долженъ буду сказать ей:—не радуйся. Затѣмъ я откину одѣяло, и она увидитъ, что у меня нѣтъ ногъ. Не правда ли, я долженъ начать съ этого? Скрыть нельзя... Пятью минутами позже ударъ будетъ сильнѣе... надо сразу... Я много уже объ этомъ думалъ. Ну, а потомъ что? Впереди?

Нищая, никому ненужная, больная жизнь. Далъ бы Богъ, чтобъ она была короткой...

— Голубчикъ, вы смотрите очень мрачно... Вы не одинъ искалѣчены и какъ можно вамъ говорить о нищетѣ? Защитникамъ родины общество, государство...

— Что? Помогутъ?—съ нѣкоторой живостью перебилъ меня Р.:—не забудутъ, вы думаете? Пройдетъ немного лѣтъ, и все забудется. И именно потому, что насъ, искалѣченныхъ, очень много. Да и что въ насъ особеннаго? Что особеннаго сдѣлали мы? Я, по крайней мѣрѣ? Стоялъ у орудія и даже нѣмцевъ не видѣлъ, и даже боя почти не было,—упалъ откуда-то снарядъ, совсѣмъ случайный, какъ будто только для того, чтобъ, разорвавшись, меня поранить. Вотъ и все.

Я не спорилъ, но неужели правъ Р?

Вторымъ нумеромъ въ нашей палатѣ числится полковникъ Г. Онъ контуженъ въ голову. Положеніе его тяжелое—ему грозитъ сумасшествіе. Онъ часто заговаривается, особенно когда рѣчь заходитъ о войнѣ. Тогда онъ развиваетъ какую-то необычайную, нелѣпую теорію, согласно которой ручается разбить нѣмцевъ въ нѣсколько дней. Полковникъ очень раздражителенъ, хотя, впрочемъ иногда разсуждаетъ вполнѣ здраво. Меня поразилъ первый разговоръ съ нимъ. Помню, я спросилъ его, думаетъ ли онъ вернуться въ строй.

— А-то какъ же-съ?—удивился Г:—у меня съ нѣмцами свои счеты-съ... У меня, видите ли, сынъ, будучи раненъ, ими добитъ.

И Г. разсказалъ мнѣ ужасный эпизодъ, относящійся ко времени первыхъ боевъ подъ Варшавой. Командуя полкомъ, Г. узналъ, что сынъ его.

молодой, только что выпущенный изъ училища офицеръ, съ полуротой солдатъ отрѣзанъ нѣмцами. Черезъ нѣсколько часовъ нѣмцы были отогнаны, и Г. занялъ поселокъ, въ которомъ оборонялась отрѣзанная полурота. Въ живыхъ отъ нея осталось только нѣсколько тяжело раненыхъ солдатъ. И они клятвенно показали, что, отступая, нѣмцы перебили всѣхъ захваченныхъ ими защитниковъ поселка и въ ихъ числѣ сына полковника Г. Разсказывалъ мнѣ объ этомъ Г. наружно какъ будто спокойно, но надо было чувствовать, что скрывалось за этимъ спокойствіемъ, когда онъ повторилъ, что у него свои съ нѣмцами счеты.

Таковъ мой второй товарищъ по палатѣ, къ сожалѣнію, дѣлающійся иной разъ совершенно нестерпимымъ. Сегодня изъ-за того, что ослышался, онъ невозможнымъ образомъ обругалъ нашу милую сестрицу Б—асову. Г. нервничалъ въ ожиданіи нѣсколько запоздавшаго обѣда. А тутъ санитаръ доложилъ бывшей въ палатѣ у насъ сестрѣ, что ее кто-то спрашиваетъ.

— Скажи, что скоро приду,—приказала сестра.

— Какъ скоро? Какъ скоро?—разгорячился Г.— Да за такую скорость васъ въ порошокъ мало истереть. Голодомъ морите... чортъ знаетъ изъ-за чего ждать заставляете и по-вашему это скоро-съ? Молчать! Закона, думаете, на васъ нѣтъ? Чтобъ голоса не было слышно! Оправданія? Къ чорту! Да я вамъ...—и бѣдный больной отпустилъ грубое солдатское ругательство. Сестрица, конечно, промолчала, а онъ черезъ нѣсколько минутъ обо всемъ позабылъ.

Третій мой товарищъ — драгунскій ротмистръ Николай Алексѣевичъ И — никовъ. Онъ мой частый собесѣдникъ, и досуги мы проводимъ съ нимъ, въ сущности говоря, вдвоемъ. И—никовъ интересный разсказчикъ, умный и наблюдательный человѣкъ. Въ госпиталѣ онъ находится потому, что, получивъ въ началѣ войны сабельный ударъ въ руку, онъ не дождался полнаго заживленія раны, вернулся въ строй, натрудилъ руку, и рана вскрылась. Получилъ И—никовъ рану во время рубки съ венгерскими гусарами. По этому поводу Н. А. говоритъ, что установившійся взглядъ на австрійцевъ, какъ на противника менѣе упорнаго, чѣмъ германцы, будетъ правильнымъ, если исключить венгровъ. Эти мужественны и упрямы. Въ доказательство своихъ словъ И. передалъ между прочимъ слѣдующій любопытный фактъ, свидѣтелемъ котораго ему пришлось сдѣлаться. Во время боевъ въ Галиціи одному изъ венгерскихъ полковъ приказано было въ конномъ строю атаковать расположеніе нашей пѣхоты. Проходя поле, непріятельская конница попала подъ перекрестный огонь пулеметовъ. Впереди полка скакалъ командиръ, сѣдой полковникъ. Когда до нашихъ окоповъ осталось всего нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ обернулся, чтобы отдать команду. Но до окоповъ дошла только горсть людей. Командовать было некому! Полкъ уничтоженъ былъ цѣликомъ.

Къ сожалѣнію, въ многочисленныхъ разсказахъ, которыми меня занимаетъ И—никовъ, онъ обходитъ полнымъ молчаніемъ все, что касается его лично. Тутъ онъ скроменъ превыше мѣры. Но обстоятель-

ство это только поясняетъ мнѣ истинныя достоинства этого воина. Храбрецъ именно о себѣ-то и не говоритъ и въ себѣ-то храбрость и отрицаетъ, самъ какъ будто не вѣритъ ей. Таковъ И—никовъ.

Мнѣ очень жаль, что приходится ограничиваться краткой передачей того, что сообщилъ Н. А. о себѣ лично. Раненъ онъ, какъ выше я уже указалъ, въ схваткѣ съ венгерскими гусарами. Любопытны обстоятельства этого маленькаго дѣла. Съ двумя десятками нижнихъ чиновъ И—никовъ былъ на развѣдкѣ. Къ исходу дня онъ неожиданно столкнулся съ такимъ же приблизительно по численности отрядомъ непріятельскихъ развѣдчиковъ. Произошла короткая схватка, въ результатѣ которой нѣсколько человѣкъ венгерцевъ были убиты, а остальные бѣжали. Драгуны бросились ихъ преслѣдовать, въ азартѣ боя не замѣчая, что И—никовъ продолжалъ биться одинъ на одинъ съ непріятельскимъ офицеромъ.

— Мой врагъ былъ совсѣмъ юнымъ существомъ,— разсказывалъ И—никовъ:—до необычайности красивымъ человѣкомъ. Я успѣлъ хорошо разсмотрѣть его. Вѣдь я смотрѣлъ ему прямо въ лицо. И вотъ, когда мы остались вдвоемъ, повѣрите ли, мнѣ стало жаль его молодой и, кто знаетъ, быть можетъ, прекрасной жизни. Послѣ нѣсколькихъ же ударовъ я почувствовалъ свое громадное превосходство и я не хотѣлъ его убивать. Мнѣ казалось, что я сумѣю его обезоружить. Неумѣстная сантиментальность обошлась мнѣ дорого: неловкое движеніе, и ударъ сабли пришелся мнѣ по лѣвой рукѣ. О, тогда, конечно, обсто-

ятельства перемѣнились. Превосходство перешло на сторону моего врага: лѣвой рукой я съ трудомъ управлялъ лошадью. Обильно шедшая кровь грозила мнѣ потерей сознанія. Я сосредоточилъ все вниманіе на поединкѣ. Прежде всего я поставилъ своего противника лицомъ противъ солнца. Онъ тотчасъ понялъ невыгоду своего положенія, но излишняя горячность погубила его. Я поразилъ его колющимъ ударомъ въ грудь, почти въ самое сердце. Онъ выронилъ саблю и съ тихимъ стономъ повалился на землю... Ну, а затѣмъ я слѣзъ съ коня и, снявъ китель, перевязалъ свою рану. Она была не такъ ужъ глубока, и я не думалъ, что мнѣ придется съ этимъ пустякомъ такъ много возиться. Потомъ я подошелъ къ поверженному врагу. Онъ былъ мертвъ, но и мертвымъ онъ былъ прекрасенъ. Строгія, тонкія черты лица его изобличали въ немъ высокую породу. Я захотѣлъ узнать его имя. Въ боковомъ карманѣ верхней одежды убитаго я прощупалъ бумажникъ и досталъ его. Кромѣ небольшой суммы денегъ, въ немъ лежало нѣсколько визитныхъ карточекъ, на которыхъ значилось имя убитаго—графъ Патіорекъ, письмо, адресованное въ Буда-Пештъ на имя графини, можетъ быть, матери или жены его и фотографическая карточка, на которой изображена была дряхлая старушка и рядомъ съ ней молодая женщина или дѣвушка необычайной красоты. Кто были онѣ? Конечно, самыя близкія, самыя дорогія. Меня захлестнуло чувство жуткой и безграничной скорби. Я забылъ о войнѣ. Лѣтній день догоралъ, кругомъ щебетали птицы, волновалась трава, было такъ отрадно вокругъ, такъ тихо...Но

вотъ вдалекѣ показались мои люди. Я вернулся къ дѣйствительности. Въ наскоро вырытой могилѣ я похоронилъ врага моей родины. Что касается письма, я его отправилъ русской почтой по назначенію, съ припиской на конвертѣ, что графъ убитъ въ честномъ бою, и подробнымъ указаніемъ мѣста его могилы. Но дойдетъ ли письмо ? А если дойдетъ, найдутъ ли тѣ, кто захочетъ, небольшой насыпанный мною холмъ? Теперь размыли его осенніе дожди, потомъ занесетъ его снѣгъ, а весной—порастетъ онъ зеленой травой и сравняется...

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ у И—никова открылась рана, онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее. При наступленіи нѣмцевъ къ Вислѣ, когда ихъ задерживали, главнымъ образомъ, однѣ только наши кавалерійскія части, И—никовъ со своимъ эскадрономъ былъ отрѣзанъ и двѣ недѣли провелъ въ сѣдлѣ, скрываясь въ лѣсахъ отъ затопившаго всю мѣстность непріятеля. За это время И—никовъ по ночамъ совершилъ рядъ набѣговъ на непріятельскіе обозы и выслѣженныя имъ небольшія части противника. Въ концѣ концовъ онъ сталъ такимъ бѣльмомъ для нѣмцевъ, что тѣ устроили на него форменную облаву. Районъ, въ которомъ оперировалъ И—никовъ, былъ ими оцѣпленъ. Предупрежденный, однако, какимъ-то крестьяниномъ, лѣсникомъ, съ его помощью И—никовъ прорвалъ окружавшее кольцо и перешелъ въ новое мѣсто. Совсѣмъ между прочимъ И—никовъ сказалъ мнѣ, что за свою работу въ непріятельскомъ тылу онъ представленъ къ награжденію золотымъ оружіемъ.

— Не больше, какъ удача,—такъ объяснилъ мнѣ

И—никовъ причину своего награжденія:—суть въ томъ, что мнѣ посчастливилось захватить непріятельскую батарею. Я отбилъ у германцевъ орудія, вовсе не разсчитывая ими овладѣть; думалъ перебить прислугу и лошадей и опять въ лѣсъ, но вышло иначе. Оказывается, я напалъ на хвостъ одной изъ частей германскаго арріергарда, при общемъ уже отступленіи германской арміи изъ Польши, и неожиданнымъ для этой части появленіемъ своимъ навелъ такую панику на уходившій съ батареей пѣхотный полкъ, что онъ разсыпался во всѣ стороны. Я захватилъ орудія, а черезъ полчаса былъ уже между нашихъ. Надо ли говорить о нашей безмѣрной этому радости.

Таковъ ротмистръ И—никовъ и остальные мои товарищи по палатѣ. Но о нихъ я буду говорить, вѣроятно, еще не одинъ разъ.

21-го ноября.

Сижу въ креслѣ. Осматривавшій меня утромъ врачъ обрадовалъ неожиданнымъ разрѣшеніемъ встать съ кровати. Обѣщаетъ черезъ нѣсколько дней позволить ходить. Но я терпѣливъ, я не тороплю и готовъ ждать сколько угодно. Страшно даже подумать о той минутѣ, когда мнѣ скажутъ, что я свободенъ и могу ѣхать домой. Кажется, такой радости не заслужилъ. Боюсь, впрочемъ, что спеціальное леченіе, которымъ меня пользуютъ отъ контузіи, задержитъ въ Варшавѣ на довольно продолжительный срокъ. Въ самомъ дѣлѣ, ѣхать домой хотѣлъ бы, вполнѣ поправившись,

такъ какъ лечиться въ нашемъ медвѣжьемъ углу нельзя. Ну, да будь, что будетъ.

Днемъ заходила обрадованная Шура—ей дали на десять дней отпускъ, и она ѣдетъ въ Гродну, гдѣ теперь братъ Степанъ. Сердечно радъ за нихъ обоихъ.

23-го ноября.

Получилъ письмо отъ Крестьянинова. Батарея кланяется, солдаты желаютъ скорѣйшаго выздоровленія. Постоянные знаки вниманія со стороны офицеровъ и солдатъ меня чрезвычайно трогаютъ. Крестьяниновъ пишетъ, что мы наканунѣ оставленія Лодзи. Жаль, если это такъ. Обильно полита вокругъ Лодзи земля русской кровью, и тяжело сознаніе, что городъ приходится уступить врагу. По существу, впрочемъ, это не болѣе, какъ эпизодъ, и на конечный результатъ войны онъ никакой роли имѣть не можетъ. Ну, а въ конечномъ результатѣ развѣ ктонибудь сомнѣвается?

Крестьяниновъ шлетъ мнѣ поклонъ отъ Науменка и передаетъ просьбу солдата захватить его съ собой, когда я поѣду домой. Это, конечно, разумѣется само собой. Думаю, когда поѣду къ семьѣ, отпустить Науменка въ отпускъ, на побывку въ деревню. Надо бравому и вѣрному слугѣ моему отдохнуть.

Далѣе въ письмѣ Крестьяниновъ сообщаетъ, что вскорѣ предполагаетъ быть въ Варшавѣ, и касается своихъ личныхъ дѣлъ. Конечно, вопросъ идетъ о Парембскихъ, или, правильнѣе сказать, о Вандѣ Станиславовнѣ, съ которой его связываютъ такіе

близкіе теперь интересы. Всей душой желаю Крестьянинову не обмануться въ своихъ надеждахъ и мечтахъ.

Крестьяниновъ сообщилъ Парембскимъ, что я нахожусь въ У-довскомъ госпиталѣ и каждый день я могу ждать ихъ визита. Радъ буду повидать и Ванду и Станислава Осиповича, которые такъ радушно принимали насъ въ своемъ имѣніи передъ самыми лодзинскими боями.

Между прочимъ, зная, что я веду дневникъ, Крестьяниновъ прислалъ мнѣ кѣмъ-то сочиненные боевые стихи, которые распѣваются солдатами нѣкоторыхъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ.

Изъ-за лѣса, лѣса копій и мечей
Ѣдетъ полкъ казаковъ-усачей.
Впереди всѣхъ скачетъ сотникъ молодой
И ведетъ казаковъ сотню за собой.
Эй, вы, други! Эй, казаки-усачи!
Шашки въ руки да и по полю скачи.
За казаками сибирскіе стрѣлки,
Всѣ штыками, какъ щетиной, обросли.
Какъ въ Варшавѣ проходили чрезъ мосты,
Всѣ красавицы бросали намъ цвѣты.
У Варшавы мы стояли, какъ стѣна,
Пуля сыпалась, летѣла, какъ пчела.
Будутъ внуки, будутъ дѣти вѣчно поминать,
Какъ Варшаву отстояла наша рать.
Отъ Варшавы нѣмца гнали предъ собой,
Что ни лѣсъ, что ни деревня—славный бой.
Будутъ нѣмцы долго поминать
Про стрѣлковъ сибирскихъ,чудо-молодцовъ.
А дойдемъ мы до Берлина городка,
Не останется отъ нѣмцевъ и слѣдка.
Какъ вернемся мы въ родимые лѣса,
Привеземъ домой Вильгельма два уса.

Написалъ письмо своему старику въ деревню. Надѣюсь, что Сонечка уже предупредила отца о моемъ раненіи и успокоила его.

25-го ноября.

Состояніе здоровья бѣднаго полковника Г. замѣтно ухудшается. Минутами онъ становится совершенно невмѣняемымъ, и быть съ нимъ въ одной палатѣ сущее мученіе. Я, ротмистръ И—никовъ и поручикъ Р. рѣшили просить доктора или перевести насъ въ другую палату, или Г. Помочь ему мы ничѣмъ не можемъ, а между тѣмъ трепать намъ, больнымъ людямъ, нервы нѣтъ, конечно, никакого желанія. Сегодня у меня съ утра мучительно болѣла голова. Сейчасъ, слава Богу, боль прошла, и я жду съ нетерпѣніемъ, когда принесутъ петроградскія газеты. Обыкновенно ихъ приносятъ намъ около 9 часовъ вечера, и мы прочитываемъ ихъ отъ первой до послѣдней строчки. Въ мѣстныхъ утреннихъ газетахъ сегодня сообщаются важныя извѣстія съ сербскаго театра войны. Славная сербская армія на голову разбила вторгшіеся на территорію Сербіи австрійскіе корпуса и вынудила ихъ къ полному отступленію. Пока имѣются свѣдѣнія о захватѣ въ плѣнъ до двадцати тысячъ австрійцевъ, нѣсколькихъ десятковъ орудій, пулеметовъ и проч. Несомнѣнно, трофеи окажутся еще большими ввиду поспѣшнаго и безпорядочнаго отступленія австріяковъ. Разгромлено не менѣе четырехъ непріятельскихъ корпусовъ, и это не можетъ не сказаться на операціяхъ австрійцевъ на нашемъ фронтѣ. Сербская армія попрежнему будетъ висѣть угрозой на югѣ Австрійской монархіи.

26-го ноября.

Надумалъ съ И—никовымъ заняться разборомъ сообщеній штаба Верховнаго Главнокомандующаго и прослѣдить главнѣйшіе этапы нашей борьбы съ австро-германцами. Собственно говоря, до сихъ поръ наша армія помѣрялась съ непріятелемъ въ трехъ большихъ битвахъ: Галиційской, продолжавшейся свыше двухъ недѣль и носившей характеръ встрѣчнаго боя со всей массой австрійскихъ войскъ, затѣмъ—битвы за обладаніе воднымъ рубежомъ, образуемымъ рѣками Вислой и Саномъ, гдѣ велось совмѣстное противъ насъ наступленіе австрійскихъ и значительной части германскихъ корпусовъ, наконецъ, искусный маневръ, предпринятый нѣмцами во флангъ нашимъ арміямъ, находившимся въ Польшѣ, завершившійся кровопролитнымъ сраженіемъ подъ Лодзью. Остальные бои на нашемъ тысячеверстномъ фронтѣ носили частный характеръ и рѣшающаго значенія не имѣли. Съ И—никовымъ мы и надумали подобрать опубликованный до сего времени матеріалъ, относящійся къ тремъ главнѣйшимъ битвамъ на нашемъ фронтѣ, и разобраться въ немъ. Конечно, въ будущемъ появятся спеціальныя сочиненія, касающіяся великой войны, и детальный разборъ отдѣльныхъ сраженій, но это дѣло спеціалистовъ. Мнѣ бы занести въ дневникъ то, что есть сейчасъ.

Галиційская битва.

Количество участвовавшихъ въ Галиційской битвѣ австрійскихъ войскъ опредѣляется въ 40 пѣхотныхъ и 11 кавалерійскихъ дивизій съ многочислен-

ными милиціонными формированіями и нѣсколькими германскими дивизіями, всего около милліона человѣкъ при 2.500 орудій. Главная масса австрійцевъ развернулась на фронтѣ Завихостъ—Яновъ—Бѣлгорай—Томашовъ—Бельзъ, для наступленія на фронтъ Люблинъ—Холмъ. Для прикрытія этой операціи къ востоку отъ Львова собрана была вторая австрійская армія, въ составѣ 3-го, 11-го и 12-го корпусовъ и пяти кавалерійскихъ дивизій. Усиленная ко времени нашего перехода въ наступленіе частями 7-го, 13-го и 14-го корпусовъ, вторая армія была численностью до двѣнадцати пѣхотныхъ дивизій и нѣсколькихъ бригадъ ландштурма. Этотъ заслонъ австрійцевъ, съ 7-го августа дравшійся своими передовыми частями съ войсками нашими, наступавшими со стороны Кіевскаго военнаго округа, къ 18-го августа укрѣпился на сильныхъ позиціяхъ Каменка—Галичъ. Лѣвый флангъ первой австрійской арміи охранялся группой изъ нѣсколькихъ австрійскихъ и германскихъ дивизій, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ Радома.

Съ 18-го по 21-ое августа наши войска, сосредоточенныя противъ первой австрійской арміи, значительно уступая непріятелю въ численности, съ боемъ медленно отступали въ ожиданіи подходившихъ подкрѣпленій.

Поведя первыя атаки на Красникъ, а затѣмъ перемѣнивъ центръ усилій въ районъ Томашева, 1-ая австрійская армія къ 21 августа значительно продвинулась на сѣверъ, занявъ фронтъ, тянувшійся отъ Ополе на Быхову—Красноставъ—Грубешовъ. Тогда же непріятель приступилъ къ переброскѣ на поле

сраженія Радомской группы войскъ по наведеннымъ у Юзефова мостамъ. Несмотря, однако, на наступленіе 1-ой австрійской арміи, положеніе ея въ этотъ моментъ было чрезвычайно серьезнымъ, въ виду того, что 2-ая австрійская армія въ упорныхъ бояхъ 18-го и 19-го августа на фронтѣ Каменка — Галичъ была на голову разбита и 21-го августа наши войска заняли Львовъ и Галичъ, создавъ такимъ образомъ непосредственную угрозу правому флангу главныхъ силъ австрійцевъ, направлявшихъ ударъ на сѣверъ.

21-го августа наши войска на всемъ сѣверномъ фронтѣ значительно продвинулись впередъ, разстроивъ непріятельскій центръ. Въ районѣ къ западу отъ Красностава былъ окруженъ и сдался 45-й австрійскій полкъ. Шедшая отъ Радома на помощь австрійцамъ германская дивизія была атакована и отступила, не успѣвъ переброситься на правый берегъ Вислы. 23-го августа успѣхъ въ бояхъ съ центромъ 1-ой австрійской арміи получилъ дольнѣйшее развитіе: въ этотъ день быстрымъ натискомъ на Туробинъ и Замостье наши войска разрѣзали армію противника пополамъ.

Въ то же время разбитый въ львовскихъ бояхъ правофланговый заслонъ австрійцевъ безпорядочно отступалъ, сдавъ 23 августа сильныя укрѣпленія Миколаева, имѣвшія фланговую оборону рвовъ и вооруженіе въ бронекупольныхъ установкахъ. Однако, получивъ значительныя подкрѣпленія, 2-ая австрійская армія зацѣпилась на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ, по фронту Рава-Русская—Городокъ, стремясь не порывать связь съ Томашов-

ской группой 1-ой арміи, отступавшей съ Холмскаго направленія

24-го августа Томашовская группа противника была атакована нами съ сѣверо-запада отъ Замостья, съ сѣверо-востока отъ Грубешова и съ юго-востока, въ направленіи Лащува. Въ ночь на 25-ое августа Томашовская армія, внезапно измѣнивъ фронтъ, перешла въ наступленіе совмѣстно съ 2-ой арміей противъ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ сѣвернѣе Львова. Въ такой обстановкѣ начались упорнѣйшіе бои за обладаніе Львовомъ, продолжавшіеся до 29-го августа.

Между тѣмъ Красникская группа 1-ой австрійской арміи, порвавшая 23-го августа связь съ Томашовской, хотя и вела нѣсколько дней отчаянныя контръатаки, но уже 24-го августа наша конница работала въ ея тылу, врѣзавшись въ обозы у Фрамполя, а отходившія по шоссе Юзефовъ—Анополь непріятельскія части разсѣивались нашей артиллеріей съ лѣваго берега Вислы.

26-го августа на фронтѣ Ополе—Туробинъ австрійцы были опрокинуты стремительной атакой нашихъ войскъ. 29-го августа австрійцы потерпѣли окончательное пораженіе на фронтѣ Лащувъ—Рава-Русская—Городокъ, и съ этого дня началось общее безпорядочное отступленіе и бѣгство всѣхъ частей непріятельской арміи.

Къ 1-му сентября нашими войсками была очищена отъ непріятеля вся правобережная сторона Сана. Галиційская битва закончилась полнымъ пораженіемъ австрійцевъ. Потери ихъ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: около 250 тысячъ убито

и ранено; свыше ста тысячъ захвачено въ плѣнъ; потеряно 400 орудій, много знаменъ и безчисленное количество зарядныхъ ящиковъ, парковъ, транспортовъ, складовъ оружія, продовольственныхъ и боевыхъ снарядовъ. Въ теченіе меньше мѣсяца русскія войска овладѣли всей Галиціей до Карпатъ.

Битва по рѣкамъ Висла—Санъ.

Австрійской арміи, послѣ Галиційскаго сраженія, понадобилось нѣсколько недѣль, чтобы, укомплектовавшись призванными изъ запаса и новыми формированіями, при поддержкѣ многочисленныхъ германскихъ корпусовъ, предпринять новую попытку наступленія съ цѣлью отвоевать Галицію и овладѣть Завислинской Польшей. Наступленіе германцевъ, развернувшихъ большія силы на фронтѣ Калишъ — Ченстоховъ — Олькушъ, началось въ среднихъ числахъ сентября въ выгодной для противника обстановкѣ: главная масса нашихъ войскъ оставалась тогда въ предѣлахъ завоеванной Галиціи. При этихъ условіяхъ наше высшее командованіе нашло цѣлесообразнымъ развернуть намѣченныя для отраженія непріятеля силы на правомъ берегу Вислы, прикрывая это сложное движеніе со стороны германцевъ кавалерійскими массами, поддержанными отдѣльными пѣхотными частями.

При выполненіи этого маневра отъ нѣкоторыхъ нашихъ корпусовъ потребовалось прохожденіе до 200 верстъ. Марши приходилось совершать подъ проливнымъ дождемъ, въ осеннюю распутицу, когда вода въ рѣкахъ сильно поднялась, а долины ихъ

превратились въ болота. Но, проявивъ обычную выносливость, наши войска къ началу октября заняли новое исходное положенiе. Къ этому времени нѣмцы, продолжая свое наступленiе, успѣли подойти къ Средней Вислѣ и, увлекая за собой къ сѣверу австрiйцевъ, прочно заняли лѣвые берега Вислы и Сана. Въ занятомъ расположенiи австро-германцы укрѣпились и выставили многочисленную артиллерiю. Фронтъ ихъ тянулся отъ окрестностей Варшавы на Козеницы—Сандомиръ—Перемышль и далѣе къ югу.

30-го сентября наши войска перешли въ наступленiе въ районѣ Варшавы и Козеницъ, стремясь постепенно расширить плацдармъ на лѣвомъ берегу Вислы и вводя въ бой новыя силы, прибывавшiя по желѣзнымъ дорогамъ. Главное сопротивленiе германцы оказали на линiи Блоне—Пясечно, откуда переходили неоднократно въ контръ-атаки. Найденные офицiальные германскiе документы свидѣтельствуютъ, что германскiй штабъ разсчитывалъ овладѣть Варшавой не позже 2—4 октября. Вотъ наше офицiальное сообщенiе, описывающее эпическiе бои за обладанiе столицей Польши: «Въ бояхъ подъ Варшавой значительное участiе приняли сибирскiе полки. Полки эти, высаживавшiеся въ Прагѣ—предмѣстьѣ Варшавы,—были радостно привѣтствованы польскимъ населенiемъ при прохожденiи черезъ Варшаву, непосредственно передъ вступленiемъ въ бой. Своеобразный видъ молодыхъ солдатъ въ папахахъ, многочисленныя конно-охотничьи команды, оригинальный обозъ, быстрое движенiе сибирскихъ войскъ по улицамъ Варшавы, неудержимый порывъ сибиря-

ковъ въ бой—произвели на варшавское населенiе очень сильное впечатлѣнiе.

«Изъ отдѣльныхъ дѣйствiй сибирскихъ войскъ обращаютъ на себя вниманiе штыковые бои въ Мочидловскомъ лѣсу, гдѣ сибиряки взяли много плѣнныхъ изъ состава 20-го германскаго корпуса. Особенно пострадалъ 17-й германскiй корпусъ и резервныя части, направлявшiя главный ударъ въ районъ Блоне. Здѣсь сибирскiе полки совмѣстно съ великорусскими нанесли непрiятелю громадныя потери. Многiя селенiя въ этихъ бояхъ многократно переходили изъ рукъ въ руки.

«Въ бояхъ у Козеницъ высокую доблесть проявили кавказскiе полки. Въ теченiе восьми дней они держались въ болотѣ на лѣвомъ берегу Вислы. Всѣ окопы заливались водой. Подъ огнемъ тяжелой артиллерiи кавказцы отбивали аттаки германцевъ, располагавшихъ всѣми выгодами мѣстности. Нѣкоторыя части въ этихъ бояхъ понесли большiя потери. Кавказцы, однако, не дрогнули и не отдали ни одной пяди земли, драгоцѣнной для развертыванiя нашихъ войскъ. Въ самыя тяжелыя минуты они находили силы для перехода въ атаку и, наступая, переживали кризисъ боя.

«Дѣйствовавшiе вмѣстѣ съ кавказцами полки изъ центра Россiи соперничали съ ними въ совершенiи геройскихъ подвиговъ».

7-го октября нашимъ войскамъ удалось добиться рѣшительнаго успѣха на крайнемъ правомъ флангѣ всего стратегическаго фронта. Обойденная конницей въ направленiи Сохачевъ—Ловичъ, охваченная съ лѣваго фланга отъ Новогеоргiевска и Нижней Бзуры,

угрожаемая съ праваго фланга переправой нашихъ войскъ черезъ Вислу въ районѣ Гура—Кальварія, германская армія послѣ семидневныхъ боевъ подъ Варшавой, въ ночь на 7-ое октября начала очищать свои чрезвычайно тщательно укрѣпленныя позиціи, постепенно обнажая лѣвый флангъ дѣйствовавшихъ къ югу своихъ силъ. Естественно, что дальнѣйшая задача нашего наступленія заключалась въ томъ, чтобы бить съ сѣвера продолжавшіе держаться на Вислѣ и Санѣ участки непріятельскаго фронта. Въ бояхъ 10—14 октября была сломлена, угрожаемая охватомъ изъ-за Пилицы, австро-германская армія, упорно дравшаяся въ районѣ Ивангорода. Между 15 и 20 октября было преодолѣно сопротивленіе непріятеля въ районѣ Новая-Александрія—Сандомиръ, а 23-го октября и главныя силы австрійцевъ въ Галиціи были вынуждены къ отступленію. Такимъ образомъ, бои по рѣкамъ Вислѣ и Сану, продолжавшіеся свыше трехъ недѣль, закончились частичнымъ пораженіемъ противника, повлекшимъ за собою отступленіе его и большое количество напрасно принесенныхъ имъ жертвъ.

Лодзинское сраженіе.

Въ результатѣ октябрьскихъ боевъ германскій штабъ не оставилъ первоначальнаго намѣренія вести наступательную войну и въ частности занять передовой Завислинскій театръ и овладѣть Варшавой. Съ этой цѣлью германскіе корпуса, спѣшно отойдя на свои желѣзныя дороги, перебросились на сѣверъ, въ видахъ, внезапнымъ оттуда переходомъ въ насту-

пленіе, обрушиться на правый флангъ нашихъ армій, подходившихъ къ самымъ границамъ Германіи. Въ послѣднихъ числахъ октября обнаружилось наступленіе германцевъ въ полосѣ мѣстности, лежащей между рѣками Вислой и Вартой. Новая обстановка потребовала отъ нашихъ войскъ частичной перемѣны фронта на сѣверъ. Эта операція была совершена подъ прикрытіемъ располагавшагося за правымъ флангомъ нашихъ армій уступа, которому пришлось выдержать рядъ стремительныхъ атакъ противника, пока мы не успѣли развернуть необходимыя силы на фронтѣ Унеіовъ—Ленчица—Гомбинъ. Въ такой обстановкѣ начались ожесточенные бои, которые привели въ концѣ концовъ къ кровопролитному Лодзинскому сраженію.

Въ теченіе недѣли германцы напрасно стремились преодолѣть сопротивленіе нашихъ войскъ, прикрывавшихъ Лодзь съ сѣвера. Однако 6-го ноября, послѣ невѣроятныхъ усилій и жертвъ, нѣмцамъ удался прорывъ нашего расположенія въ районѣ Піонтека.

Успѣхомъ этимъ нашъ врагъ обязанъ количественному преимуществу въ артиллеріи, развившей на атакуемомъ участкѣ ураганной силы огонь, и численному превосходству въ войскахъ, бросавшихся въ атаку сомкнутыми колоннами. Но тѣ чудовищныя потери, которыя германцы несли, ведя наступленіе, могли покрыться съ избыткомъ только въ случаѣ, если бы они сумѣли использовать до конца достигнутый ими 6-го ноября успѣхъ. Сложившаяся обстановка первоначально говорила всецѣло въ ихъ пользу: разрѣзавъ нашу армію на двѣ части, германцы ши-

рокой лавиной полились въ промежутокъ Стрыковъ—Гловно, выходя на наши тыловые пути. Быстро занявъ затѣмъ Бжезины, Колюшки, Тушинъ и Рзговъ и обтекая правый флангъ нашихъ войскъ, дравшихся въ районѣ Лодзи, германцы угрожали заключить Лодзь въ кольцо. Къ 9-му ноябрю правый флангъ непріятельской арміи подошелъ къ Ласку, съ сѣвера же и сѣверо-востока непріятель приблизился къ предмѣстьямъ города.

Въ столь трудныхъ условіяхъ наши войска продолжали, однако, сдерживать противника, нанося ему огромныя потери. Подоспѣвшіе къ этому времени наши резервы, двинутые со стороны Петрокова, своими рѣшительными дѣйствіями заставили германцевъ отказаться отъ окруженія Лодзи и перейти въ районѣ Тушина къ оборонѣ. Къ 10 ноября общее положеніе сложилось еще болѣе опредѣленно въ нашу пользу. Наступавшія къ Ласку непріятельскія колонны были нами отброшены назадъ въ большомъ безпорядкѣ; къ сѣверо-западу отъ Лодзи германцы вынуждены были нашими контръ-атаками отвести свои войска нѣсколько назадъ и закопаться въ землю; въ то же время сдерживавшія непріятеля на фронтѣ Скерневицы—Ловичъ наши корпуса перешли въ энергичное наступленіе и, захвативъ Стрыковъ, прервали сообщеніе германскихъ войскъ, прорвавшихся въ тылъ Лодзи.

Съ этого момента всѣ усилія нѣмцевъ были направлены къ тому, чтобы подать помощь своимъ войскамъ, запертымъ въ четыреугольникѣ Рзговъ—Бжезины—Колюшки—Тушинъ. Къ 13 ноябрю, послѣ невѣроятныхъ усилій германцамъ удалось рядомъ

отчаянныхъ ночныхъ атакъ пробиться къ Стрыкову. Въ этихъ дѣлахъ они, по собственному признанію ихъ офиціальнаго сообщенія, понесли неслыханныя потери. Къ сожалѣнію, во второмъ фазисѣ Лодзинскаго сраженія намъ не удалось заставить германскіе корпуса, прорвавшіе наше расположеніе, сложить оружіе. Но точно также и нѣмцамъ въ первомъ, столь благопріятномъ для нихъ фазисѣ боя не удалось заставить капитулировать нашу армію, отрѣзанную въ районѣ Лодзи. Такимъ образомъ, кровопролитное Лодзинское сраженіе по существу осталось не рѣшеннымъ, не дало побѣды ни одной сторонѣ, но во всякомъ случаѣ оно не привело къ осуществленію поставленныхъ германскимъ штабомъ цѣлей.

Въ трехъ указанныхъ величайшихъ въ исторіи человѣчества битвахъ прославилось русское оружіе! Много прославилось русскихъ людей! Но можно ли говорить о комъ-нибудь? Всѣ исполняли священный долгъ защиты нашей великой родины.

29-го ноября.

За чтеніемъ газетъ и выпиской сообщеній штаба Верховнаго Главнокомандующаго ничего за эти дни не занесъ въ дневникъ изъ своей личной жизни. А между тѣмъ у меня важное событіе: второй день я встаю съ кровати и дѣлаю самостоятельно по нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Черезъ пару дней доктора обѣщаютъ разрѣшить прогулки. Вообще я значительно окрѣпъ. и, если бы не боли, вызываемыя иногда контузіей, не на что было бы жаловаться.

30-го ноября.

Проснулся утромъ весь покрытый холоднымъ потомъ. Видѣлъ во снѣ, будто лежу раненымъ въ полѣ и меня собираються похоронить, а я не имѣю силы ничего сказать, хочу крикнуть и не могу. И вдругъ— я открылъ глаза и убѣдился, что ничего этого нѣтъ. Боже, какой я счастливецъ и какъ я Тебя, Милосерднаго, благодарю...

Сегодня полковника Г. эвакуировали въ Петроградъ. И я и мои товарищи по палатѣ несказанно довольны его отсутствiю,—очень ужъ онъ дѣйствовалъ на наши нервы своимъ постояннымъ болѣзненнымъ безпокойствомъ. Къ сожалѣнiю, дѣла бѣднаго Г. совсѣмъ плохи: его повезли съ цѣлью помѣстить въ психiатрическую лечебницу.

1-го декабря.

Вотъ и декабрь, скоро и Рождество. Какъ хотѣлъ бы провести его въ семьѣ. Надѣюсь, такъ и будетъ. Въ послѣднемъ письмѣ Сонечка пишетъ, что дѣтки считаютъ дни до Рождества, ожидая меня.

Вернулась Шурочка Бахметева. Слава Богу, у брата Степана все въ порядкѣ и онъ молодцомъ.

Вчера весь вечеръ провела съ нами въ палатѣ наша милая сестрица Б—асова. Пили чай у кровати поручика Р., время провели въ разговорахъ. Какой рѣдчайшей и прекрасной души сестра. Несчастный безногiй поручикъ только благодаря ей и ожилъ,— душевно, конечно; физически этому человѣку уже не жить. Все-то онъ ждетъ прiѣзда своей жены и терзается мыслью о встрѣчѣ съ ней.

Сегодня получилъ записочку отъ Крестьянинова. На дняхъ онъ будетъ въ Варшавѣ и навѣститъ меня. Письмо Крестьянинова напомнило мнѣ время пребыванія батареи, послѣ варшавскихъ боевъ, въ имѣніи Парембскихъ. Какъ кажется все это теперь безконечно далекимъ. Очень хотѣлъ бы повидать Парембскихъ и, какъ только узнаю ихъ адресъ и буду въ состояніи, непремѣнно навѣщу ихъ. Они, очевидно, въ Варшавѣ.

2-го декабря.

Въ сопровожденіи санитара первый разъ вышелъ на улицу. Съ непривычки и отъ слабости голова закружилась. Теперь сижу у окна и блаженствую.

Сейчасъ подъ окнами прошелъ какой-то пѣхотный полкъ съ пѣніемъ пѣсни: «Три деревни, два села, восемь дѣвокъ, одинъ я,—куда дѣвки, туда я»...

Ахъ, эта пѣсня, сколько всколыхнула она во мнѣ воспоминаній! Слышалъ я, какъ поютъ ее наши «сѣрыя шинели» и на походѣ, и въ окопахъ, и идя въ бой.... И пѣсня-то простая, и слова тоже, а вѣдь вотъ поется она такъ, что вся мощь народная въ ней слышится. По крайней мѣрѣ на меня именно такое производятъ впечатлѣніе наши русскія народныя пѣсни.

4-го декабря.

Побывалъ на нѣкоторыхъ ближайшихъ улицахъ Варшавы. Непремѣнно ознакомлюсь съ городомъ. Конечно, для того, чтобы дать хотя бы приблизительную картину жизни Варшавы, надо ее хорошо знать, т.е прежде всего нужно время. Своеобразныя, однако же черты города подмѣтить можно. Само собою разу-

мѣется, Варшава въ дни войны не та, что она была до войны и не та, какой она будетъ послѣ. Но это мнѣ и кажется интереснымъ.

Сейчасъ съ сестрой Б—асовой въ палату вошла пріѣхавшая жена поручика Р. Какая потрясающая картина встрѣчи.

6-го декабря.

Вчера вышелъ на улицу и у самаго подъѣзда столкнулся съ Крестьяниновымъ и отцомъ и дочерью Парембскими, шедшими навѣстить меня. Конечно, вернулся съ ними «домой». Ванда Станиславовна принесла мнѣ букетъ цвѣтовъ, и ея вниманіе глубоко меня тронуло. Она стала за это время еще, кажется, красивѣе, чѣмъ была. Крестьяниновъ чувствовалъ себя, конечно, на седьмомъ небѣ. Глядя на молодыхъ людей, мнѣ казалось, что я улавливаю какую-то прочно скрѣпившую ихъ духовную близость. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но, можетъ быть, жизнь и въ самомъ дѣлѣ ставитъ иной разъ людей въ такія исключительныя положенія: одинъ взглядъ другъ на друга, и все оцѣнено, понято и принято. Но если это и бываетъ, то, вѣроятно, только между хорошими людьми.

Парембскіе отнеслись ко мнѣ до конфуза участливо и сердечно. Записали въ «герои» и знать ничего не хотятъ. Разспрашивали всѣ подробности моего раненія и такъ внимательно, что, право, во время разсказа не дышали.

Имѣніе Станислава Осиповича теперь во власти нѣмцевъ. Старикъ стоически переноситъ свое имущественное несчастье, между тѣмъ онъ остался почти безъ всякихъ средствъ. Парембскій говоритъ, что

онъ счастливъ, что во̀-время бѣжалъ изъ имѣнія. Напомнилъ онъ мнѣ и свое предсказаніе, что нѣмцы будутъ еще у Варшавы и онъ попрежнему опасается за судьбу города. Но мы Варшавы не отдадимъ. Пробыли у меня Парембскіе часа два, обѣщали заходить и звали къ себѣ. Конечно, я на дняхъ же побываю у нихъ. Въ батареѣ, по словамъ Крестьянинова, все, слава Богу, въ порядкѣ. Сейчасъ батарея въ резервѣ, почему и Крестьяниновъ имѣлъ возможность пріѣхать въ Варшаву. Привезъ онъ мнѣ поклонъ отъ всѣхъ чиновъ и отъ моего Науменка, который проситъ, чтобъ я его «безпремѣнно» захватилъ съ собой, когда поѣду домой. Я просилъ Крестьянинова на этотъ счетъ успокоить солдата. Изъ батарейныхъ новостей узналъ много интереснаго: за бой 6-го ноября я представленъ къ чину полковника; солдаты получили 8 георгіевскихъ крестовъ. Отъ добровольца нашего «Рѣпы» пришло письмо изъ Петрограда, что онъ поправляется и хочетъ вернуться въ батарею...

Только что мнѣ принесли письмо отъ Сонечки. Слава Богу, дома все благополучно.

Къ сожалѣнію, не могъ познакомить ни съ Крестьяниновымъ, ни съ Парембскими Ш. Бахметеву. Посылалъ за ней, но ея не было въ госпиталѣ.

8-го декабря.

Особенностью варшавянъ, а, можетъ быть, и всѣхъ поляковъ является, какъ мнѣ кажется, повышенная любовь и чувство гордости за свою столицу. Само по себѣ это чувство законно, конечно, но мотивы его представляются мнѣ совсѣмъ иными, чѣмъ у природ-

наго русака въ его любви къ Москвѣ-матушкѣ. Бѣлокаменная Москва съ своими «сорока сороками», Кремлемъ, «царями» колоколомъ и пушкой, Иверской Божьей Матерью и прочими древними святынями любится русскимъ во всемъ ея историческомъ прошломъ, тѣмъ и дорога, что до сего дня сохранила свой національный обликъ, свою національную суть. Если Москва и разукрасила «по-модному» свою одежду и взяла у Европы трамвай, электрическое освѣщеніе и шестиэтажные дома, то не этою «мишурой» она горда, это пепелъ, а подъ нимъ—славное прошлое великаго русскаго царства. И, право, какъ во времена Минина и Пожарскаго, такъ и теперь Москва истинная выразительница народныхъ думъ и чаяній. Знать Россіи нельзя, не зная Москвы.

Совсѣмъ не то Варшава. Полякъ любитъ въ Варшавѣ прежде всего ея «европеизмъ», ту Варшаву, какова она есть сейчасъ. Спросите любого поляка, что осмотрѣть въ Варшавѣ? Онъ пошлетъ на Уяздовскую аллею, Новый мостъ, Новый Святъ, словомъ, въ центръ города. Судите затѣмъ о городѣ! Варшава—красавица! Варшава—Парижъ въ миніатюрѣ! А на самомъ дѣлѣ «европейскихъ улицъ» въ Варшавѣ меньше, чѣмъ въ любомъ изъ нашихъ большихъ университетскихъ городовъ. Да и можно ли сравнить Новый Святъ съ Невскимъ проспектомъ въ Петроградѣ или Морской? Нѣтъ ни тѣхъ зданій, ни тѣхъ магазиновъ. Сверните съ Новаго Свята въ сторону—тамъ ужъ булыжная мостовая и весьма относительная чистота. О еврейской части города говорить нельзя, тамъ ужъ сплошная грязь… А Висла и разукрашенная гранитными берегами Нева! Нѣтъ, грѣшный человѣкъ,

я остаюсь при своемъ... За послѣдніе два дня кое-что осмотрѣлъ изъ достопримѣчательностей Варшавы: проѣхалъ на извозчикѣ по Лазенковскому парку, гдѣ стоитъ императорскій дворецъ. Во время посѣщеній Варшавы государь останавливается, однако, не въ Лазенкахъ, а въ Бельведерскомъ дворцѣ. Видѣлъ на Замковой площади памятникъ королю Сигизмунду III, представляющій мраморную колонну съ бронзовой статуей короля, держащаго въ одной рукѣ крестъ, въ другой—саблю. На Саксонской площади находится обелискъ, воздвигнутый въ 1830 г., съ надписью: «полякамъ павшимъ за вѣрность своему государю». Осмотрѣлъ соборъ Святой Троицы и костелъ св. Іоанна...

10-го декабря

Любопытна уличная жизнь Варшавы. Коренному русскому многое кажется страннымъ, мимо чего полякъ проходитъ, какъ мимо явленія вполнѣ естественнаго и обыденнаго. Конечно, мои наблюденія мимолетны, но рядъ мелкихъ штриховъ создаетъ цѣльное, а подчасъ и вѣрное впечатлѣніе.

Прежде всего бросается въ глаза, что столица Польши, хотя и заинтересована войной, главнымъ образомъ занята, кажется, политикой. Политика, какъ говорится, лѣзетъ въ Варшавѣ изо всѣхъ щелей. Взять хотя бы «еврейскій вопросъ». Я отмѣчалъ уже въ своемъ дневникѣ существующую въ Польшѣ рознь, я сказалъ бы—вражду, между польскимъ населеніемъ и еврейскимъ. По увѣренію поляковъ, тѣхъ по крайней мѣрѣ, съ которыми я толковалъ, руководящимъ

мотивомъ сложившихся въ Польшѣ національныхъ отношеній является исключительно экономическое порабощеніе ея евреями. Поляки боятся еврейской конкуренціи и противъ нея и ведутъ борьбу. Мнѣ это объясненіе непонятно. Поляки настолько окультурены, что экономическая зависимость имъ не должна быть страшна, потому что ей не можетъ быть мѣста. Развѣ слабѣйшій можетъ въ чемъ-нибудь побѣдить? Численно поляки во много превосходятъ евреевъ и съ этой стороны, казалось бы, опасности тоже нѣтъ. Приходится думать, что основной причиной вражды являются не экономическіе, а расовые, вѣроисповѣдные и національные вопросы.

11-го декабря.

Только что былъ въ «цукернѣ». Цукерня вполнѣ оригинальное произведеніе польской жизни. Въ цукерняхъ проводятъ досуги средніе слои польскаго общества, на манеръ того, какъ французы въ кафе, а нѣмцы въ ресторанахъ. Разница только въ томъ, что французы въ кафе пьютъ національный напитокъ— вино, нѣмцы наливаются пивомъ, а поляки ограничиваются болѣе невинными предметами; они выпиваютъ нѣсколько чашекъ «кава» или «хербата» и закусываютъ «тястечкомъ».

Цукерня, въ которую я зашелъ, хотя, кажется, и самая значительная въ Варшавѣ, не скажу, чтобы произвела на меня какое-нибудь впечатлѣніе своею внѣшностью и устройствомъ. Двѣ среднихъ размѣровъ комнаты сплошь заставлены столиками. У столиковъ легкіе стулья, а вдоль стѣнъ обитыя крас-

нымъ плюшемъ мягкія скамейки. Въ простѣнкахъ между большими узорчатыми окнами зеркала. Свѣта много и днемъ и вечеромъ отъ большого количества электрическихъ лампочекъ. Въ первой комнатѣ—буфетная стойка, во второй, въ глубинѣ, отгороженное мѣсто для оркестра. Оркестръ изъ трехъ-четырехъ струнныхъ инструментовъ и піанино. Непритязательная публика каждую пьесу провожаетъ аплодисментами...

Публики въ цукернѣ было такъ много, что яблоку, какъ говорится, негдѣ было упасть. Публика показалась мнѣ необычайно оживленною и довольною. И кого только среди нея не было! Скромно одѣтый старикъ съ двумя, вѣроятно, своими внучатами, которыхъ онъ угощалъ «тястечками». Дальше—цѣлая семья, въ составѣ цѣлыхъ девяти душъ; тутъ были и отецъ, и мать, и дѣти, начиная съ трехлѣтняго возраста и кончая годами двадцатью. Всѣ они тоже пили «кава» и закусывали «тястечками». Дальше сидѣли двѣ изъ «этихъ дамъ», какія-то «ночныя феи». Намалеванныя, броско одѣтыя, онѣ держали, однакоже, себя вполнѣ скромно. Три господина вели жаркій политическій разговоръ, котораго я не слышалъ, но голосъ одного изъ нихъ, наиболѣе звонкій, доносилъ иногда до меня нѣкоторыя слова: «народовего», «демократично» и проч. Рядомъ съ моимъ столикомъ сидѣла влюбленная парочка... Большинство посѣтителей были, повидимому, между собой знакомы. Вновь приходящіе зачастую раскланивались съ нѣкоторыми и, не найдя мѣста, уходили... Среди посѣтителей не было ни одного еврея!

Кстати, сидя въ цукернѣ у окна, я продолжалъ

свои наблюденія надъ улицами Варшавы. И вотъ я замѣтилъ стараго, одѣтаго въ рубище еврея, перевозившаго на двухколесной телѣжкѣ какую-то кладь. Обѣими руками онъ держалъ дышло, а на груди его былъ одѣтъ войлочный хомутъ, наваливаясь на который тяжестью тѣла, онъ тащилъ за постромки повозку. Когда колесо телѣжки попадало въ выбоины мостовой, дышло бросало возчика изъ стороны въ сторону. Было видно, какъ это старое человѣческое существо напрягаетъ послѣднія силы, и казалось, что еще нѣсколько шаговъ и еврей свалится, съ тѣмъ, чтобы болѣе не подыматься... Еврей свернулъ за уголъ, и больше я его не видѣлъ. Но эта характерная сценка дала нѣкоторое опредѣленное направленіе моимъ мыслямъ. Въ самомъ дѣлѣ, бо́льшую вѣдь нищету трудно представить. Все богатство еврея заключалось въ повозкѣ и хомутѣ. Съ утра онъ впрягался въ повозку и тащилъ ее на базаръ и простаивалъ тамъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не нанималъ его перевезти какую-нибудь кладь съ мѣста на мѣсто. И тогда онъ становился ломовой лошадью! И вдругъ—«экономическая конкуренція»! Нищій, голодный еврей, какую онъ могъ представить опасность? А вѣдь масса еврейская—сплошная нищета.

Заговоривъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ. я не дѣлаю никакихъ выводовъ, кромѣ одного: существующая между польскимъ и еврейскимъ населеніемъ вражда, которой не отрицаетъ ни та, ни другая сторона, по моему личному убѣжденію, отнюдь не можетъ быть объяснена причинами экономическаго характера. Сто кратъ нѣтъ! Но причину этого явленія надо искать, можетъ быть, въ вѣроисповѣдныхъ,

какъ я уже писалъ, можетъ быть, въ расовыхъ различіяхъ или политичскихъ вопросахъ, кто знаетъ. И ужъ во всякомъ случаѣ здѣсь, въ чужомъ дѣлѣ, судьей быть нельзя.

Сочельникъ польскаго Рождества. Черезъ двѣ недѣли и наше русское Рождество. Домой, домой хочется...

Мнѣ вспомнился прошлогодній сочельникъ. Какъ было весело, мирно и хорошо! Ко мнѣ на праздники пріѣхалъ братъ Степанъ и впервые тогда увидѣлъ въ офицерскомъ собраніи Шурочку Бахметеву, двоюродную сестру одного изъ офицеровъ моей бригады... Всѣ праздники въ домѣ у меня былъ народъ. На третій день устроили дѣткамъ елку. Совсѣмъ сюрпризомъ пріѣхалъ изъ деревни отецъ. То-то было радости!... Минулъ годъ и скоро полгода войны. Сколькихъ нѣтъ въ живыхъ молодыхъ, полныхъ силъ и здоровья жизней! А жертвы все приносятся, каждый день, и не видно имъ конца. И не будетъ конца, пока не будетъ у насъ полной и окончательной побѣды. Чѣмъ больше крови прольется, чѣмъ тяжелѣй будетъ намъ война, тѣмъ она будетъ только долговременнѣе, но пардона отъ насъ нѣмецъ никогда не услышитъ. Теперь уже всколыхнулась вся русская земля, мужикъ русскій понялъ, что значитъ въ этой войнѣ стать побѣдителемъ и побѣжденнымъ. Ну, а если мужикъ понялъ, тогда его ничѣмъ уже не свернуть. Да и гдѣ же иначе Высшая Справедливость! Вѣдь если только допустить, что Германія изъ войны побѣдительницей выйдетъ, тогда, кромѣ грубой силы,

вѣрить не во что. Тогда одинъ ужасъ и тьма. Погибнетъ нѣмецъ, другого ему исхода нѣтъ. Схватка мертвая и окончательная.

13-го декабря.

Вчера вечеромъ получилъ пригласительную записку отъ Парембскихъ и былъ у нихъ. Живутъ они болѣе чѣмъ скромно. Станиславъ Осиповичъ снимаетъ двѣ небольшихъ меблированныхъ комнаты, причемъ въ одной помѣщается онъ самъ, въ другой—Ванда. Первая комната служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пріемной и столовой. Могу себѣ представить, какъ тяжелы эти условія Станиславу Осиповичу, привыкшему къ жизни большого хозяина.

Младшая дочь Парембскаго живетъ у кого-то изъ его близкихъ знакомыхъ или родственниковъ. Ванда Станиславовна занята цѣлые дни: слушаетъ курсы сестеръ милосердія и дежуритъ въ одномъ изъ частныхъ польскихъ госпиталей. Когда я пришелъ къ Парембскимъ, В. Ст. встрѣтила меня въ костюмѣ сестры и показалась мнѣ краше, чѣмъ я ее видѣлъ когда-нибудь. Милая дѣвушка тоскуетъ отсутствіемъ Крестьянинова и проклинаетъ войну.

—А, впрочемъ,—вдругъ обратилась ко мнѣ В.Ст:—имѣю ли я право клясть войну? Вѣдь я же одна изъ немногихъ, которую война сдѣлала счастливой. Будетъ ли она милостива ко мнѣ до конца...

Этотъ неожиданный порывъ откровенности В. Ст. мнѣ понравился, онъ былъ такъ искрененъ. Повидимому, В. Ст. смотритъ на меня, какъ на своего хорошаго друга; что это такъ, меня убѣждаетъ тотъ

курьезъ, который произошелъ со мной въ тотъ же вечеръ въ домѣ Парембскихъ.

Дѣло было такъ. Вскорѣ послѣ меня въ гости къ Станиславу Осиповичу пришли два господина—какой-то помѣщикъ, по фамиліи Лемпицкій, и докторъ Гурскій. Составился преферансъ. Я сразу же замѣтилъ, что Ст. Осип. очень неохотно устраивалъ игру, хотя, помнится, когда я стоялъ съ батареей у него въ имѣніи, онъ первый подзадоривалъ меня покартить. Вчера, наоборотъ, Ст. Осип. подчинялся настоянію своихъ гостей. Особенно хлопоталъ съ устройствомъ столика панъ Гурскій. Узнавъ, что нѣтъ картъ, онъ послалъ за ними прислугу, съ приказаніемъ достать ихъ во что бы то ни стало. Такъ или иначе, преферансъ составился. Но Станиславъ Осиповичъ уже категорически запротестовалъ, когда его гости назначили кушъ по $1^1/_4$ копейки. Однако ему едва удалось настоять на игрѣ по 1 копейкѣ. И такая игра, видимо, его стѣсняла, да и я не охотникъ домашняго азарта. Впрочемъ, Лемпицкій и Гурскій, повидимому, весьма состоятельные люди. Началась игра, и сразу же карта пошла ко мнѣ такъ, какъ не шла она никогда въ жизни. Мнѣ становилось положительно неудобно. Особенно же меня стѣсняло то, что больше другихъ проигрывался Станиславъ Осиповичъ. Въ результатѣ, съ Лемпицкаго и Гурскаго я выигралъ около 40 рублей, а Станиславъ Осиповичъ проигралъ мнѣ 120 рублей!

Прежде, чѣмъ расплатиться, Станиславъ Осиповичъ вышелъ въ другую комнату. Я слышалъ, какъ онъ открывалъ ключомъ ящикъ комода, видѣлъ, какъ прошла Ванда Станиславовна и, побывъ недолго, вернулась, какъ будто съ нѣкоторою заботой на лицѣ.

Несомнѣнно, у Станислава Осиповича не хватало для расплаты денегъ. Я это чувствовалъ, но я рѣшительно не зналъ, какъ мнѣ поступить. Вдругъ въ тотъ моментъ, когда Лемпицкій и Гурскій, увлеченные какимъ-то разговоромъ на политическую тему, отошли въ уголъ комнаты, Ванда Станиславовна наклонилась ко мнѣ и быстро проговорила:

— Дайте мнѣ незамѣтно 50 рублей, только скорѣй и осторожно.

Я поспѣшилъ исполнить ея просьбу. И когда она, вслѣдъ за тѣмъ, вышла въ комнату, гдѣ былъ Станиславъ Осиповичъ, я облегченно вздохнулъ.

Черезъ три-четыре минуты къ гостямъ вышелъ и Станиславъ Осиповичъ. Подойдя ко мнѣ, онъ протянулъ свой проигрышъ. Я извинился за свой разбой. Когда я взглянулъ послѣ того на Ванду, я увидѣлъ, какъ она мнѣ улыбнулась, украдкой кивнула головой и приложила палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія. Мнѣ кажется, что Ванда скрыла отъ отца, что деньги взяла у меня, не желая огорчать старика. Такимъ образомъ закончилась вчерашняя игра въ преферансъ. Вернулся я отъ Парембскихъ въ госпиталь въ первомъ часу ночи. А сегодня съ утра Ванда Станиславовна заходила ко мнѣ и уже вернула свой долгъ. Она только что ушла вмѣстѣ съ Ш. Бахметевой, съ которое мнѣ удалось ее сегодня познакомить. Молодыя дѣвушки, видимо, пришлись другъ другу по душѣ. Мудрено ли? Вѣдь у нихъ должно быть такъ много общихъ интересовъ. И та и другая красива, и та и другая собираются замужъ, у обѣихъ женихи на войнѣ, обѣ въ безпокойствѣ, надеждахъ и мечтахъ о будущемъ. Счастливые годы!

14-го декабря.

Сейчасъ Николай Алексѣевичъ И—никовъ передалъ мнѣ, что въ гостиницѣ «Бристоль» арестованъ германскій шпіонъ, переодѣвшійся въ форму русскаго офицера. Заарестовать его удалось благодаря счастливому случаю. Какой-то изъ нашихъ гвардейскихъ офицеровъ, войдя въ ресторанъ при гостиницѣ, занялъ одинъ изъ столиковъ. За сосѣднимъ столикомъ сидѣлъ моложавый на видъ полковникъ. Поклонившись ему, поручикъ сталъ припоминать, гдѣ онъ съ нимъ встрѣчался. Изъ-за этого онъ началъ внимательно къ тому приглядываться. Въ свою очередь, полковнику, видимо, совсѣмъ не было по душѣ, что поручикъ не спускаетъ съ него глазъ. Онъ поманилъ его къ себѣ и сдѣлалъ замѣчаніе: «Что, собственно, васъ интересуетъ во мнѣ? Я бы предложилъ вамъ заняться больше наблюденіемъ надъ собою, чѣмъ надо мною».

Поручикъ извинился и собрался было уходить, когда его вдругъ осѣнила память: онъ вспомнилъ, гдѣ онъ встрѣчался съ «полковникомъ» Въ томъ же домѣ, въ Петроградѣ, гдѣ жилъ поручикъ, помѣщалась контора какого-то пароходнаго общества — германское предпріятіе. Мнимаго «полковника» поручикъ зналъ за управляющаго этой конторой. Убѣжденный въ томъ, что онъ не ошибается, поручикъ передалъ свои предположенія находившимся въ ресторанѣ нѣсколькимъ офицерамъ, послѣ чего они подошли къ «полковнику» и предложили ему предъявить документы. Естественно, что шпіонъ сдѣлать этого не могъ, и его сцапали...

15-го декабря.

Получилъ письмо отъ отца. Старикъ пишетъ, что гордится моей раной и увѣренъ, что съ Божьей помощью я скоро буду здоровъ. Какъ дороги эти письма.

Сегодня послалъ съ оказіей письмо Сы—комскому, съ просьбой немедленно командировать ко мнѣ Науменка. Разсчитываю черезъ нѣсколько дней ѣхать домой.

16-го декабря.

Много разъ я задумывался надъ тѣмъ, что свой дневникъ я веду скучно и неумѣло и, останавливаясь на мелочахъ, ничего не говорю о значительномъ, о томъ замѣчательномъ, что въ этой войнѣ есть. Тысячи встрѣчъ, а между тѣмъ ни въ одной изъ нихъ я не сумѣлъ найти ничего любопытнаго, характернаго. Мнѣ была очевидной ошибка моя, но я не зналъ, гдѣ она. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли казалось, что мы переживаемъ время упадка, что Россія извѣрилась въ самой себѣ, все свѣтлое осталось гдѣ-то позади, въ далекомъ прошломъ и приходится жить только имъ и жалѣть по немъ. Назадъ! Назадъ! И вдругъ, такое чудо перерожденія! Такія великія дѣла! Но могутъ ли совершать ихъ маленькіе люди? А гдѣ великіе люди? Я не зналъ, гдѣ они. Путался, думалъ, что ошибаюсь во всемъ, и молчалъ.

Вчерашній разговоръ съ ротмистромъ И—никовымъ, кажется, вывелъ меня на правильную дорогу.

— Зачѣмъ вы чего-нибудь замѣчательнаго доискиваетесь—такъ началъ свой разговоръ со мной Н. А.—Берите людей такими, какъ они есть, тогда и замѣчательное, что ли, само собой обнаружится. Геройство! Да что такое геройство? Пожалуй, и вы, и я, и каждый изъ насъ, участниковъ войны, былъ свидѣтелемъ многихъ геройскихъ подвиговъ, а вотъ, подите же, вспомнить и разсказать о нихъ ни умѣнья, ни памяти нѣтъ. Въ чемъ дѣло? Въ томъ, думается, что истинное геройство почти всегда не замѣченнымъ и не вознагражденнымъ остается. Истинное, я хочу сказать, геройство рѣже рѣдкаго съ какими-нибудь чрезвычайностями сопряжено; наоборотъ, оно просто, и скромно, и некрикливо. Геройство есть свойство характера, твердость и сила воли, какъ трусость есть слабосиліе души. Говорю это затѣмъ, чтобы истинное геройство ото всего случайнаго отмежевать. Случай вѣдь, по пословицѣ, на войнѣ все. Отчего же не быть и случайному геройству? Сколько хотите! Иной разъ обстоятельства такъ подойдутъ, что и трусъ героемъ дѣлается. При чемъ же тутъ человѣкъ? Тутъ уже обстоятельства, а не человѣкъ, тутъ уже случай, а не геройство Нѣтъ, ужъ, знаете, лучше о «не герояхъ» поговоримъ, о тѣхъ, кто въ тѣни, кто незамѣтенъ и молчаливъ. Увѣряю васъ, въ нихъ-то вы «замѣчательное» и откроете. Да и кто войну ведетъ? Разъ—герой, два—герой, а вѣдь дальше-то, масса вся—просто русскіе люди.

Н. А. помолчалъ и закурилъ папиросу.

— Кстати будетъ это вотъ вамъ письмо прочесть,—проговорилъ онъ затѣмъ, доставая изъ бумажника листъ почтовой бумаги.

Подполковникъ С. Г. С—кій.

(Разсказъ ротмистра И—нникова).

Подполковника С. я зналъ давно. По первому впечатлѣнію казался онъ человѣкомъ холоднымъ и нелюдимымъ. Говорить не любилъ, смотрѣлъ исподлобья, но смотрѣлъ всѣмъ прямо въ глаза. Не кланялся. Честности человѣкъ былъ большой и за казеннымъ добромъ наблюдалъ строго. Не пилъ, не курилъ, не зналъ картъ... Такихъ командировъ солдаты побаиваются и уважаютъ. Женатъ былъ; имѣлъ большую семью... Это такъ, между прочимъ. Вотъ письмо. Прислала его мнѣ жена С., какъ другу его, разсчитывая, что я что-нибудь могу сдѣлать. Но что я сдѣлать могу?

«Многоуважаемая З. В. По порученію командира бригады на меня выпала тяжелая обязанность и высокая честь извѣстить васъ о несчастіи, постигшемъ С. Г. Мужайтесь, З. В. Мы всѣ разсчитываемъ на лучшее изъ худшаго, на то, что вашъ мужъ живъ и въ плѣну. Обстоятельства дѣла таковы. Батарея С. Г., выдѣленная для поддержки одного изъ полковъ, прикрывавшихъ отходъ частей N-го корпуса, послѣ девятичасового неравнаго боя съ германцами, понеся тяжкія потери, присоединилась къ бригадѣ въ составѣ пяти орудій и 26 нижнихъ чиновъ подъ командой ефрейтора. Изъ опроса оставшихся въ живыхъ солдатъ и главнымъ образомъ послѣдними видѣвшихъ С. Г. выяснились слѣдующія подробности. Оставшись безъ прикрытія, С. Г. послалъ донесеніе о невозможности дальнѣйшаго

сопротивленія, но обратнаго приказанія не получилъ. Отбиваясь картечью отъ быстро окружавшихъ батарею германцевъ, С. Г. по совѣщаніи съ оставшимся въ живыхъ капитаномъ З—ъ приказалъ снимать орудія. 4-ое и 5-ое орудія были вывезены на двухъ лошадяхъ за убылью остальныхъ. Шестое орудіе спасти было нельзя, т. к. подведенныя къ нему лошади были перебиты. Къ этому фазису боя нѣмцы подошли на нѣсколько десятковъ шаговъ, разстрѣливая батарею въ упоръ, чѣмъ и объясняются тяжкія потери личнаго состава. Отдѣльныя группы германцевъ зашли батареѣ въ тылъ и обстрѣливали ее, прячась за зарядными ящиками. Въ эти критическія минуты спасанія орудій С. Г. подавалъ прислугѣ примѣръ мужественнаго исполненія долга. Онъ стоялъ во весь ростъ, спокойно отдавая команду. Убѣдившись въ невозможности спасти послѣднее орудіе, С. Г. сломалъ замокъ, послѣ чего разрѣшилъ остававшимся около него людямъ спасаться. Что касается его личной судьбы и капитана З—ъ, показаніями нижнихъ чиновъ установлено, что ѣздовой, подводившій имъ лошадей, послѣ того, какъ лошадь З—ъ, испугавшись, вернулась къ коновязи, поймалъ ее, вторично подвелъ и былъ убитъ на мѣстѣ. Такіе солдаты могутъ быть только у командировъ подобныхъ С. Г. Затѣмъ капитанъ З—ъ упалъ раненымъ и остался на полѣ сраженія. Что касается С. Г., онъ отказался сѣсть на подведенную ему лошадь, также затѣмъ убитую. Причины, которыми руководился С. Г., не принимая мѣръ къ личному спасенію, неизвѣстны. И кто знаетъ, быть можетъ, помимо фактической невозможности,

сильный духъ С. Г. повелѣлъ ему раздѣлить судьбу лежавшихъ кругомъ раненыхъ товарищей и оставленнаго орудія и онъ не могъ покинуть ихъ. Оставившій С. Г. послѣднимъ рядовой Федченко говоритъ, что въ послѣднюю минуту онъ видѣлъ, какъ С. Г., въ тотъ моментъ, когда на него съ ружьями наперевѣсъ бѣжали нѣмцы, снялъ фуражку и, прикрывъ рукою лицо, какъ бы молился...

«Простите, что, не щадя васъ, я не скрываю дорогихъ для васъ подробностей постигшаго васъ несчастья. Но если Богомъ суждено было С. Г. погибнуть, знайте, что, славно исполнивъ свой долгъ, послѣднія мгновенья мыслями онъ былъ вмѣстѣ съ вами.

«Принося почтительное изъявленіе горя, остаюсь» и т. д.

Н. А. сложилъ письмо и замолчалъ. Я чувствовалъ, что, уже знакомый съ этимъ письмомъ, онъ имъ взволнованъ. Вѣдь онъ зналъ этого человѣка, такъ свято и беззавѣтно исполнившаго свой долгъ. Видѣлъ его въ частномъ быту, въ мирной обстановкѣ, въ кругу любимой семьи...

— Вручила родина одному изъ малыхъ своихъ сыновей лоскутокъ своего знамени—шесть орудій,—помолчавъ, заговорилъ Н. А.—Падаютъ крѣпости, исторія говоритъ, что сдаютъ оружіе цѣлые полки... Но то—исторія, а это—настоящая великая война. И то замѣтьте, что ничего геройскаго не сдѣлано. Того геройскаго, о чемъ во всеуслышаніе гремятъ. Ни криковъ, ни барабаннаго боя, ни распущенныхъ знаменъ... Одинокая батарея. Сцена безъ зрителей, безъ возбуждающихъ средствъ. Тихо и безшумно

пульки летали, люди, какъ мухи, падали. И просто дѣлали они свое дѣло. Но за этимъ «простымъ» нѣчто развѣ замѣчательное не скрывается? Развѣ не виденъ въ немъ великій и непобѣдимый русскій духъ?

Отецъ Павелъ.

(Разсказъ ротмистра И—нникова).

Бѣдный сельскій священникъ. Дома онъ оставилъ жену и старуху-мать. Когда вспыхнула война, о. Павелъ просился въ дѣйствующую армію и съ сентября мѣсяца занялъ мѣсто полкового священника у насъ въ полку. Я знаю, что отца Павла офицерство встрѣтило съ нѣкоторымъ чувствомъ обиднаго для него снисхожденія. Таковъ ужъ русскій человѣкъ, что иначе онъ не подходитъ къ «рясѣ». Но я не знаю, какъ принялъ такое отношеніе къ себѣ о. Павелъ. Я думаю, что онъ попросту не замѣтилъ его. Я увѣренъ даже теперь, что это именно такъ, вслѣдствіе одной чрезвычайной особенности характера о. Павла—вслѣдствіе полнаго отсутствія въ немъ личной заинтересованности: о. Павелъ ничего не относилъ къ себѣ, но къ тому, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Для отца Павла самого себя нѣтъ, такого лица для него не существуетъ. Какъ мнѣ грустно, что у меня нѣтъ ни красокъ, ни словъ, чтобы изобразить во всей полнотѣ эту, казалось бы, совсѣмъ простую, но столь величавую фигуру русскаго сельскаго попа. Я видѣлъ отца Павла всего разъ пять, можетъ быть, шесть. Большую часть о немъ я беру изъ молвы, которая уже заходила волной вокругъ его имени среди сѣраго солдата.

Отецъ Павелъ небольшого роста, лѣтъ 45. Носитъ онъ высокіе солдатскіе сапоги и утратившую свой первоначальный лиловый цвѣтъ, ставшую бурой рясу. Путешествуетъ о. Павелъ съ полкомъ верхомъ на лошади, купленной имъ у какого-то бѣженца подъ Варшавой. Лошадь эта вызываетъ общее вниманіе, а у насъ—дружный смѣхъ: она необычайно худа, высока и норовиста. Если отцу Павлу надо ѣхать впередъ, она обязательно пятится. Солдаты прозвали ее «башней». Представьте маленькаго о. Павла верхомъ на этомъ конѣ, или когда солдаты его подсаживаютъ. Въ путешествіяхъ о. Павла солдаты окружаютъ тѣснымъ кольцомъ. Въ его присутствіи тяжелый длинный маршъ переносится легче. Слышатся безобидныя шутки и беззаботный смѣхъ и ни одного ругательства, до котораго простой человѣкъ такъ падокъ. А то, вдругъ, всѣ смолкнутъ,—это, значитъ, о. Павелъ говоритъ. И вѣдь если бы онъ о какихъ-нибудь высокихъ матеріяхъ разсуждалъ, такъ вѣдь нѣтъ же—о самыхъ простыхъ, но потому-то и понятныхъ и близкихъ солдату предметахъ: о деревнѣ, о сѣнокосѣ, о томъ, каковъ у московскихъ или тверскихъ урожай.

— Хорошее, надо быть, нынче въ Тверской по второй травѣ сѣно собрано,—немного закатывая глаза, говоритъ о. Павелъ и такимъ голосомъ, что, право, солдатамъ думается, что они за пахучимъ сѣномъ ѣдутъ, а не на страшный, кровавый бой. А тутъ иной тверякъ, изъ получившихъ письмо изъ дома, возьми да и вломись съ о. Павломъ въ амбицію:

— Умолотъ,—говоритъ,—хорошъ, а вторая трава на половину сгнила.

— Экій ты, право, чудакъ,—заспоритъ съ нимъ о. Павелъ:—умолотъ-то хорошъ почему? Потому что тебѣ вёдро стояло. Какъ колосъ сокомъ земнымъ налился, тутъ надо, чтобы солнышко безъ дождей съ утра до вечера припекало, рожь и спѣетъ. Гдѣ же второй травѣ сгнить?

— Да я письмо изъ дома получилъ.

— Молчи, молчи, дуракъ, съ батькомъ не спорь... батька лучше тебя знаетъ,—прикрикнутъ на тверяка нѣсколько голосовъ, и тотъ стушевывается. И можно даже твердо утверждать, что тверякъ и самъ письму меньше, чѣмъ словамъ о. Павла, вѣритъ. Откуда эта безграничная вѣра къ отцу Павлу и за такой короткій срокъ? Правда, опасности и невзгоды людей роднятъ, но не въ томъ, думается мнѣ, дѣло.

Отецъ Павелъ среди офицерства теперь такой же «свой», какъ и среди солдатъ. Одну ночь онъ спитъ въ хатѣ съ солдатами, другую не откажется провести въ помѣщеніи командира полка. О. Павелъ нуженъ всѣмъ, но то изумительно, что онъ рѣшительно этого не замѣчаетъ.

А сколько о. Павлу за это время порученій передано, писемъ и денегъ и завѣтовъ умершихъ на его рукахъ людей! Сколько тайнъ о. Павелъ знаетъ. И думается мнѣ, что сила его въ знаніи человѣческой души сказывается, самыхъ тайниковъ, которые за наружной оболочкой въ глубинѣ прячутся.

«Нѣтъ,—кажется мнѣ, о. Павелъ про себя думаетъ:—не таковъ ты, какимъ всѣмъ представляешься, и не хуже у тебя, чѣмъ у другихъ, душа». И, право, душа отъ этого убѣжденія о. Павла у каждаго чище дѣлается.

Но все это одна сторона. Надо знать, мало знать—надо слышать, какъ о. Павелъ молится. Говоритъ онъ тихо, но внятно, вдумчиво и какъ-то особенно всѣмъ понятно и всѣмъ слышно. Слабый голосъ его слегка дрожитъ. Удивительно, что въ молитвѣ о. Павелъ не замѣчается, его какъ будто бы нѣтъ, какъ нѣтъ ничего окружающаго, а есть одно захватившее всѣхъ, общее всѣмъ, великое, безграничное чувство... Я испыталъ его, и я счастливъ. Послѣ боя у И... о. Павелъ служилъ при мнѣ. Какъ пѣлъ тогда стоголосый солдатскій хоръ и какъ молился от. Павелъ.

Служитъ о. Павлу приходится часто, но чаще, конечно, исповѣдывать умирающихъ, раненыхъ и идущихъ въ бой. Передъ боемъ каждый, кто можетъ, норовитъ къ о. Павлу попасть. Отецъ Павелъ говоритъ тогда всѣмъ одно:—Въ Бога вѣруешь?—Вѣрую.—И въ Пречистую Матерь Божію?—Вѣрую.—И въ Христа, Спасителя и Бога нашего?—Вѣрую.—Прощаются тебѣ, рабъ Божій, грѣхи твои. Иди и не страшись.—И идутъ тогда люди и ничего уже не страшатся... Къ о. Павлу, можно сказать, весь полкъ шелъ. Было у насъ два латыша и человѣкъ семь татаръ. Такъ и тѣ о чемъ-то съ нимъ съ глазу на глазъ переговаривались.

— А вы чего?—бывало, окружатъ ихъ солдаты.

— Отецъ Павелъ высокій человѣкъ,.. Отецъ Павелъ,—отвѣчаютъ они,—къ Богу человѣкъ близкій.

Я не знаю, подвергалъ ли о. Павелъ сознательно свою жизнь опасности и потому объ этомъ молчу. Но мнѣ извѣстно, что послѣ каждаго боя о. Павелъ ходитъ по полю, ищетъ раненыхъ, всѣхъ, кто

нуждается въ его помощи и молитвѣ. А затѣмъ мнѣ извѣстенъ такой фактъ. Гдѣ-то въ Радомской губерніи во время октябрьскаго преслѣдованія германцевъ мы вошли въ мѣстечко, гдѣ былъ православный храмъ. Вечеромъ въ этомъ храмѣ о. Павелъ совершалъ службу. Неожиданно германцы открыли по мѣстечку артиллерійскій огонь. Однимъ изъ снарядовъ былъ разрушенъ притворъ и начался пожаръ. Отецъ Павелъ на минуту прервалъ богослуженіе: «Ребятки, кто тамъ поближе, затушите огонь», спокойно проговорилъ онъ и кончилъ всю службу при грохотѣ все усиливавшейся канонады...

Таковъ о. Павелъ. Растетъ и ширится слава о немъ, разливается она широкими ручьями среди солдатскихъ рядовъ... И чудится мнѣ, что встаетъ на борьбу во весь ростъ православная Русь, и вѣрю я, что разобьется о нее вражеская сила.

Сестра Б—асова.

Сестра наша болѣзненная на видъ, худенькая и хрупкая, какъ соломинка. Она вовсе не красивая, вовсе даже и миловидной ее нельзя назвать, но въ ней есть что-то особенно привлекательное, что-то дѣлающее ее всѣмъ намъ близкой и родной. Сестрица попала въ У—довскій госпиталь не сразу: два мѣсяца провела она на позиціяхъ, работая на перевязочныхъ пунктахъ. И вотъ, провѣряя сейчасъ свои впечатлѣнія, мнѣ кажется, что я ее гдѣ-то видѣлъ и даже не разъ и не ее одну, а очень многихъ такихъ же худенькихъ и хрупкихъ, такихъ же близкихъ намъ и родныхъ. Онѣ похожи, эти сестры,

одна на другую и ихъ легко отличить. Онѣ очень робки, съ новымъ человѣкомъ неразговорчивы и не любятъ разсказывать о себѣ; по крайней мѣрѣ въ разсказахъ ихъ никогда нѣтъ ничего особеннаго; все очень просто: пошла на войну, работала въ госпиталѣ или на пунктѣ... русскій солдатъ—«святой»: отъ него никогда не услышишь жалобы... ужъ какія только не приходилось перевязывать раны, а онъ только зубы стиснетъ и молчитъ, развѣ, если станетъ не въ мочь,—сестрица, спроситъ, долго ли еще? Русскій солдатъ—рыцарь. Онъ къ женщинѣ съ уваженіемъ относится, къ безоружному врагу съ жалостью... русскій солдатъ—и вездѣ-то у нихъ и во всемъ русскій солдатъ на первомъ мѣстѣ. Ну, а про себя, про то, что онѣ солдату даютъ, сестры эти никогда не разсказываютъ. Вотъ онѣ-то и есть настоящія милосердныя работницы. Подумаешь, изъ стали выкованы, нервовъ у нихъ нѣтъ и усталости онѣ не чувствуютъ! Хрупкія соломинки, онѣ душой горятъ! Вся жизнь въ подвигѣ. Подъ огнемъ перевязываютъ, въ холерныхъ баракахъ ухаживаютъ и среди тифозныхъ больныхъ.

Сестра Б—асова ужасно не любитъ, когда ее объ одномъ дѣлѣ ея разспрашиваютъ.

— Господи, и вы?—со слезами на глазахъ укоряетъ она.—Ну, что въ томъ, что я раненому человѣку помогла. Почему меня любопытствомъ всѣ преслѣдуютъ? Прямо хоть бѣги. И откуда это узналось? Нѣтъ ужъ, знаете, чтобы не ссориться, этотъ разговоръ оставимъ.

Больше отъ сестрицы добиться ничего нельзя, а дѣло въ слѣдующемъ. При неудачномъ наступле-

ніи арміи Самсонова въ Пруссію сестра Б—асова какого-то офицера съ перебитой ногой спасла. Наши отступали и сестра двѣ версты этого офицера на своей спинѣ несла, хотя тотъ просилъ и требовалъ, чтобъ она его бросила. По счастливой случайности сестра вышла въ концѣ концовъ на дорогу, по которой отрядъ Краснаго Креста отходилъ. Сестра остановила одну изъ фуръ.

— Что такое? У насъ мѣста нѣтъ. И такъ въ два раза людей больше напихано,—прикрикнулъ на сестру подвернувшійся врачъ, торопившійся поскорѣй оставить опасное мѣсто.

— Раненому мѣсто должно найтись, а не найдется, такъ я его понесу на себѣ,—устыдила сестра храбраго эскулапа и настояла на своемъ.

О, въ такихъ случаяхъ эти робкія сестры становятся рѣшительными. Совсѣмъ другое, когда дѣло лично ихъ касается. Начальства онѣ не любятъ и думаютъ, какъ бы лишній разъ не попасться ему на глаза. Сестра Б—асова разсказывала недавно, какъ она первый разъ по начальству являлась.

— Ужасно я, знаете ли, боялась; всю ночь передъ тѣмъ не спала. Назначена я была при санитарномъ поѣздѣ состоять. Было это въ самые первые дни войны. Вотъ и думалось мнѣ: какъ же это я къ самому особоуполномоченному приду? О чемъ говорить съ нимъ буду? Что если онъ меня неподходящей найдетъ? Добро бы къ доктору, тому бы объяснила, гдѣ работала и къ чему привычна. А то—къ особоуполномоченному!

Ѣхала я изъ Москвы въ городъ В., гдѣ санитарный поѣздъ тогда стоялъ. И надо же такъ, что въ

дорогѣ я съ другой сестрой встрѣтилась и та мнѣ разныхъ ужасовъ наговорила. Разсказала, какъ тоже одинъ особоуполномоченный какую-то сестру завѣдывать кухней и хозяйствомъ заставилъ и только потому, что на мѣсто той надо было даму какую-то съ протекціей устроить. Что жъ, думала я, а вдругъ и меня въ экономки или въ прачки поставятъ. Особо-то уполномоченному все равно! И правда, впослѣдствіи кто-то съ протекціей пріѣхалъ и меня на позиціи перевели. Впрочемъ, я этому рада была.

Такъ вотъ, послѣ безсонной ночи пріѣхала я въ В., а тамъ мнѣ и говорятъ, что санитарный поѣздъ на слѣдующей небольшой какой-то станціи находится. Порѣшила я прямо туда проѣхать... Захватила саквояжъ, пошла въ уборную въ порядокъ себя нѣсколько привести. Вымыла руки, намылила лицо, слышу—поѣздъ свистки подаетъ, къ станціи, слѣдовательно, подходитъ. Я заторопилась. Что за оказія?—вода изъ крана перестала итти. Глазъ открыть не могу, все лицо мыломъ стягиваетъ... Я плачу, какъ же я особоуполномоченному покажусь? Вдругъ увидитъ! Да вотъ вспомнила, что у меня въ саквояжѣ бутылка съ виномъ лежитъ. Въ волненіи скорѣй за бутылку, налила вино въ ладонь и по лицу... Сами подумайте, что у меня на лицѣ получилось, когда я липкую мадеру съ мыломъ перемѣшала! Чувствую, что совсѣмъ бѣда, а что дѣлать?—поѣздъ пришелъ. Такъ я на платформу и выскочила и даже косынку одѣть не могла. Въ такомъ видѣ и особоуполномоченному на глаза попалась.

Разсказъ сестры вызвалъ дружный хохотъ со-

бравшихся послушать ее раненыхъ. Громче всѣхъ смѣялась она сама...

Я привожу разсказъ сестры только затѣмъ, чтобы показать, какъ чуждо было ей все казовое, все, гдѣ можно было бы собой похвастать. О томъ, какъ раненаго на себѣ двѣ версты тащила, молчитъ, а вотъ какъ особоуполномоченному представлялась, этому она готова при всѣхъ отъ души посмѣяться.

Не знаю, есть ли у сестры Б—асовой большая радость, чѣмъ какое-нибудь удовольствіе раненому доставить, хоть какой-нибудь мелочью ему услужить. Зато и вліяніемъ и уваженіемъ въ госпиталѣ она пользуется совсѣмъ особымъ. Слово сестрицы для всѣхъ насъ законъ.

Я помню, когда меня въ госпиталь привезли и уложили въ кровать, тогда я перваго кого—сестру разсмотрѣлъ. Я былъ еще очень слабъ и утомленъ дорогой и дремалъ. Нѣжное прикосновеніе руки ко лбу вдругъ пробудило во мнѣ давно позабытую ласку. Я открылъ глаза.

— Голубчикъ, какъ чувствуете вы себя?—низко наклоняясь ко мнѣ, спросила сестра. И сразу же по глазамъ ея я увидѣлъ безконечную глубину участія.

— Спасибо... Точно въ раю.

— Ну, спите спокойно. Богъ дастъ, скоро поправитесь.—И я разсмотрѣлъ, какъ сестра украдкой быстро перекрестила меня. И я вѣрю, что этотъ крестъ сестры къ Богу дошелъ навѣрно.

Исключительно подъ вліяніемъ сестры воскресъ къ жизни несчастный безногій поручикъ Р. И вотъ тутъ я коснусь одного чрезвычайнаго для Р. событія Я говорилъ уже, что поручикъ съ отчаяніемъ и ужа-

сомъ ждалъ пріѣзда своей молодой жены, той минуты, когда онъ долженъ будетъ сказать, что у него нѣтъ ногъ. И вдругъ полное превращеніе. Вмѣсто слезъ отчаянія—слезы радости. Жена Р., пріѣхавшая неожиданно для него, войдя въ палату, бросилась къ нему, зацѣловала его, первая сказала, что знаетъ, что у него нѣтъ ногъ, и что она горда имъ и счастлива. Такъ ли это было? Теперь я имѣю право сказать, что это дѣйствительно такъ. Точно также теперь мнѣ извѣстно, что жену Р., по ея пріѣздѣ, поймала сестра Б—асова, увела къ себѣ въ комнату и вмѣстѣ съ ней она долго молилась и много плакала...

Святая сестра! Знаю я, что не одна ты. Въ великой войнѣ этой родина моя явила міру любвеобильное сердце русской женщины...

Михей и Иванъ.

Съ боемъ мы отходили къ Лодзи. Помню, стояла ясная, морозная ночь. Батарея, съ утра сдерживавшая напоръ нѣмцевъ, торопилась къ разсвѣту занять новую назначенную позицію. Надо было пройти 12 верстъ. Позади насъ громыхали орудія и доносилась ружейная дробь прикрывавшихъ отходъ арріергардовъ. Завтра та же работа предстояла и намъ, хотя въ глубинѣ души каждый разсчитывалъ, что завтра дальнѣйшему наступленію непріятеля будетъ положенъ конецъ. Хотѣлось спать, но нервы были напряжены выдержаннымъ днемъ и предстоявшимъ съ утра боемъ. Прошли черезъ какой-то сожженный поселокъ, миновали лѣсъ, деревню, какое-то покинутое бѣжавшими жителями село и наконецъ

подошли къ цѣли нашего похода, желѣзнодорожной станціи З—жъ. Я поставилъ орудія, установилъ связь и приказалъ людямъ ложиться спать. Несмотря на усталость, я уснуть не могъ. Я пошелъ на станцію.

Тамъ была суета, обычная для близкаго отъ передовой линіи тыла. На платформѣ нѣсколько сотъ бѣженцевъ ждали поѣзда. Большинство ихъ были женщины и дѣти, разоренные войной бѣдняки, запрудившіе своимъ нищимъ скарбомъ всю платформу. Врагъ былъ близко, но большинство бѣженцевъ относилось къ этому равнодушно; всѣ они такъ устали, такъ много пережили, что нервы ихъ притупились и они плохо отдавали отчетъ въ окружающемъ. Они ждали поѣзда, и только на этомъ и была сосредоточена ихъ мысль.

Я прошелъ нѣсколько разъ по платформѣ. Вдругъ совсѣмъ вблизи я услышалъ топотъ нѣсколькихъ сотъ ногъ, и вслѣдъ за тѣмъ изъ ночного мрака вынырнула на освѣщенную станціонными фонарями полосу земли плотная людская масса. Еще нѣсколько секундъ, и я разобралъ, что это плѣнные. Такъ отступали наши войска, беря за политую кровью землю «побѣдителей».

Плѣнные поднялись на платформу. Ихъ окружилъ конвой, а старшій побѣжалъ разыскивать начальство, которому слѣдовало передать плѣнныхъ для дальнѣйшаго отправленія ихъ въ тылъ.

За время войны я привыкъ къ виду плѣнныхъ и, бѣгло оглядѣвъ всю толпу, я отошелъ въ сторону и присѣлъ на скамейкѣ. Смѣнился конвой, и солдаты, сопровождавшіе плѣнныхъ, собирались въ обрат-

ный путь. Гдѣ-то тамъ продолжался бой, ухали пушки...

— Эхъ, теперичка бы покурить, дядя Михей,— послышался рядомъ со мной молодой звонкій голосъ.

— То-то бы и того,—отвѣтилъ густой басъ.

Я взглянулъ—въ двухъ шагахъ отъ меня стояли солдаты. Вынувъ нѣсколько папиросъ, я позвалъ ихъ. Солдаты подошли, взяли, поблагодарили и только затѣмъ, разобравъ, что я офицеръ, замялись и вытянулись.

— Курите, ребята,—отмахнулся я и вступилъ въ разговоръ. Словоохотливымъ оказался тотъ, который былъ помоложе, Иванъ. На груди у него висѣлъ георгіевскій крестикъ. Михей говорилъ мало, но говорилъ дѣловито и вдумчиво. Это былъ рослый, плечистый, бородатый мужикъ, коренникъ русскій, Московской губерніи. Плѣнныхъ доставили они прямо съ позицій, забравъ ихъ съ утра. Зашли ротой германцамъ въ тылъ, человѣкъ сто пятьдесятъ перебили, остальныхъ взяли.

— Съ германомъ ваше-скородіе нипочемъ на штыкахъ драться, завсегда побьемъ. Да вотъ антилеріи у нихъ больно много... такъ и палитъ, такъ и палитъ,—объяснилъ мнѣ Иванъ.

Михей закурилъ папиросу и не торопясь замѣтилъ:

— Тоже и нѣмецъ, говорить нечего, не худо бьется. Его мало когда и въ плѣнъ возьмешь. Упорный народъ, упрямый...

— Справимся? — какъ-то невольно вырвалось у меня, но мнѣ интересенъ былъ отвѣтъ этого положительнаго, простого человѣка.

— Трудно, а надо. Сами, ваше-скородіе, знаете, что надо, а надо,—значитъ, справимся.

Внезапно невдалекѣ отъ насъ послышался плачъ ребенка. И тотчасъ другой тоненькій голосъ жалобно завопилъ:

— Мамка, а мамка.... исть хочу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, притулившись къ узлу съ вещами, сидѣла на землѣ бѣженка, молодая еще женщина, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Мальчуганъ лѣтъ шести, очевидно, сейчасъ проснувшійся, просилъ у ней хлѣба.

— На тебѣ хлѣба,—какъ бы стѣсняясь своимъ поступкомъ, проговорилъ Иванъ, подходя къ мальчугану и доставая краюху хлѣба изъ походнаго мѣшка. Мальчикъ жадно принялся ѣсть.

— Ишь ты, болѣзные,—сочувственно отозвался Михей и взялъ мальчика съ земли на руки.

— Издалека?—обратился Михей къ бѣженкѣ.

— Нѣтъ, ближніе... а теперь не знаю какіе... домъ сгорѣлъ, ничего нѣтъ,—тупо отвѣтила женщина.

— А мужъ гдѣ?

— Убитъ.

— Проклятый нѣмецъ, — не выдержалъ Иванъ, и въ его глазахъ зажглись такъ несвойственные русскому мужику, но потому такіе и страшные огни.

Мы замолчали. Я смотрѣлъ на Михея. Огромный солдатъ нѣжно гладилъ мальчика по головкѣ. И вдругъ я замѣтилъ, какъ онъ отвернулся и провелъ рукавомъ по глазамъ. Что думалъ Михей? Хорошій хозяинъ и добрый семьянинъ, быть можетъ,

онъ вспомнилъ свой домъ, жену, такого же шестилѣтняго мальчугана, какого онъ держалъ теперь на рукахъ... Все въ жизни осталось у него позади—земля, работа, любимая семья,—все, что было для него оправданіемъ и цѣлью. Теперь другая у него, болѣе высокая цѣль, другая, болѣе великая семья—родина!

Михей и Иванъ ушли. Я вернулся на батарею и уснулъ короткимъ, но крѣпкимъ сномъ...

Прошло нѣсколько дней. Опять была ночь, темная и морозная. Я лежалъ въ полѣ. Я былъ раненъ. Мимо меня съ криками «ура» бѣжали въ атаку солдаты. Вотъ пробѣжалъ тотъ самый офицеръ, котораго я такъ жалѣлъ, что онъ блѣденъ и отъ долгаго бѣга запыхался. Онъ держалъ въ правой рукѣ шашку и волочилъ лѣвой рукой за древко знамя. Я такъ боялся, что онъ къ мѣсту боя вò-время не поспѣетъ. И въ самомъ дѣлѣ офицеръ упалъ. Но вслѣдъ за тѣмъ на то же мѣсто нахлынула густая толпа солдатъ, и надъ головами ихъ высоко взвилось знамя. Нѣкоторое время оно плыло впередъ, потомъ исчезло и вдругъ вынырнуло всего въ трехъ шагахъ отъ меня. Его держалъ рослый бородатый солдатъ, весь мокрый, во всѣ глаза смотрѣвшій почему-то на меня. Взглянувъ на этого солдата, я вдругъ припомнилъ, что гдѣ-то видѣлъ его и онъ мнѣ очень близокъ, но, такъ и не окончивъ мысль, я остановилъ вниманіе на нѣкоторой другой чрезвычайной картинѣ. Я смотрѣлъ, какъ бѣжавшіе мимо знамени солдаты иные крестились, иные, припадая къ нему, цѣло-

вали его и плакали и тогда ужъ направлялись туда, гдѣ была смерть и откуда доносились страшные, нечеловѣческіе крики... Но вотъ знамя заколыхалось, и бородатый солдатъ ушелъ...

Потомъ, лежа въ госпиталѣ, въ Лодзи, я долго вспоминалъ видѣнную мною въ ночь на 6-ое ноября картину и солдата со знаменемъ, изумленно остановившагося передо мной. Кто былъ онъ? И былъ ли? И не былъ ли это бредъ?

Здѣсь, сейчасъ, я вспомнилъ этого солдата и знаю, кто онъ. Это былъ Михей. Михей и Иванъ, гдѣ вы теперь? Что съ вами?

20-го декабря.

Пріѣхалъ Науменко.

21-го декабря.

Ѣду домой! Ура.

О. Козельскій.

Іюль 1916 года.

БИБЛІОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“.

Изд. Б. А. Суворина.

До войны. На автомобилѣ по Германіи 1913—14 гг. и очерки «День за днемъ» Лаврецкаго (Бор. Суворинъ). Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

Народъ на войнѣ. Ал. Ксюнина. Ц. 2 р.

Великое преступленіе. А. Оссендовскаго. Ц. 30 к.

Записки батарейнаго командира. О. Козельскаго. Ц. 60 к. (распродано).

Родина ждетъ. Страховичъ. Ц. 20 к.

Предательство Болгаріи. Г. Veritas и Е. П. Семенова. Ц. 1 р. 25 к.

Вильна-Молодечненская операція. Вѣщій. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

Великая война въ 1914 г. Очер и главнѣйшихъ операцій. «Я». Ц. 80 к.

Великая война въ 1915 г. Очерки главнѣйшихъ операцій. «Я». Изд. 2-е, дополненное. Ц. 60 к.

Цензура и шпіонство. Н. Громова. Ц. 50 к.

Война и гражданскій процессъ. Н. Громова. Ц. 2 р.

Дневникъ сестры милосердія. Радоничъ. Ц. 40 к.

Солдатскія сказки. Н. Козырева. Ц. 75 к. (распродано).

Каррикатуры Пэма. Ц. 1 р. 50 к.

Война и Пэмъ. Вып. I. Изд. 3-е. Ц. 2 р.

Война и Пэмъ. Вып. II, продолженіе. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Барышни Шнейдеръ. Юр. Бѣляева. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 50 к.

Сестры Шнейдеръ. Юр. Бѣляевъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

Городокъ въ табакеркѣ. Юр. Бѣляева. Ц. 1 р.

Открытки съ войны. Юр. Бѣляева Ц. 50 к.

Автомобильный спутникъ. Ц. 3 р.

Спутникъ по Пскову. П. Соболева. Ц. 1 р.

Спутникъ по Новгороду. П. Соболева. Ц. 1 р.

Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Ц. 3 р. 50 к. (распродано).

Торговый домъ Бахвалова сыновья. Маркъ Басанинъ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Справочная книга «Уралъ».

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также въ кіоскахъ желѣзн. дорогъ. СКЛАДЪ: Контора изданій Б. А. Суворина. Невскій, 52 («Вечернее Время»). Тел. 536 62.

2411 67

Цѣна 75 коп.

37.74.5.118/2